

Дело «Соаре и другие (Soare and Others) против Румынии»

(Жалоба № 24329/02)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ¹

г. Страсбург, 22 февраля 2011 г.

По делу «Соаре и другие против Румынии» Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Палатой в составе:

Йозепа Касадеваля, *Председателя Палаты*,
Корнелиу Бырсана,
Бошгьяна М. Цупанчича,
Эгберта Мийера,
Инеты Зимеле,
Луиса Лопеса Герры,
Энн Пауэр, *судей*,

а также при участии Мариалены Цирли, *Заместителя Секретаря Секции Суда*, заседая 11 января 2011 г. за закрытыми дверями, вынес следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой № 24329/02, поданной 24 июня 2002 г. в Европейский Суд по правам человека (далее – Европейский Суд) против Румынии тремя гражданами этого государства – Мугурелом Соаре, Анджелой Власчану и Дорелом Байку (далее – заявители) в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее – Конвенция).

2. Интересы заявителей, которым была предоставлена юридическая помощь, первоначально представляла М. Маковой, а впоследствии Д. Михай, адвокат, практикующая в г. Бухарест. Власти Румынии были представлены Уполномоченным Румынии при Европейском Суде, сотрудником

Министерства иностранных дел Рэзван-Хорациу Раду.

3. В своей жалобе заявители, в частности, утверждали, что имело место нарушение статей 2, 3, 5, 6 13, 14 и 34 Конвенции.

4. 25 апреля 2005 г. председатель Третьей Секции коммуницировал жалобу властям Румынии. В соответствии с пунктом 1 статьи 29 Конвенции было также решено рассмотреть данную жалобу одновременно по вопросу приемлемости и по существу.

5. 20 октября 2005 г. председатель Третьей Секции отклонил возражение властей Румынии против одновременного рассмотрения жалобы по вопросу приемлемости и по существу.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

6. Заявители родились в 1981, 1951 и 1969 годах, соответственно. Они проживают в г. Бухарест.

А. ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ, КОТОРОЕ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПРЕТЕРПЕЛ ПЕРВЫЙ ЗАЯВИТЕЛЬ, И ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ЕГО ЗДОРОВЬЯ

1. Обжалуемое обращение

а) Версия фактов, изложенная первым заявителем и подтвержденная вторым и третьим заявителями

7. 19 мая 2000 г., около 19 часов, первый заявитель и его брат (В.С.) направлялись в больницу «Каритас» в г. Бухарест, где намеревались навещать свою госпитализированную мать. Они имели с собой пластиковый пакет, в котором находились бутылка сока и пирог.

8. Заметив своего бывшего свойственника, С.К., они попытались его догнать. Опасаясь нападения с их стороны, тот побежал, призывая на помощь. Первый заявитель и его брат последовали за ним.

9. С.К. проследовал мимо автомобиля голубого цвета без специальных цветографических схем на кузове, в котором находились трое полицейских в гражданской одежде (Н.Б., Л.Н.Д. и С.М.). Услышав крики С.К., они вышли из машины.

10. Один из них остановил В.С. и ударил его по голове.

11. Первый заявитель был, в свою очередь, остановлен вторым полицейским (Л.Н.Д.), который прижал его к стене и ударил по лицу и голове, а затем схватил его за плечи и несколько раз ударил его спиной и шеей о стену. Боль в спине и голове, которую ощутил первый заявитель, вынудила его сестру на корточках у стены.

¹ Единственно официальными текстами постановлений Европейского Суда по правам человека являются тексты на французском и английском языках. Перевод на русский язык не налагает каких-либо обязательств на Совет Европы и Европейский Суд по правам человека.

© «Бюллетень Европейского Суда по правам человека».

12. Когда он находился в этом положении, Л.Н.Д. достал пистолет и выстрелил ему в голову. Заявитель упал на землю.

13. Вторая и третий заявители, Анджела Власчану и Дорел Байку, очевидцы происшествия, показали, что стрелявший сообщил одному из коллег, что убил первого заявителя, и что коллега спросил его: «Что ты сделал? Зачем стрелял?».

14. Впоследствии вторая заявительница в течение нескольких минут пыталась удерживать Л.Н.Д., чтобы он не мог скрыться. Она утверждала, что полицейский не был ранен, и на его одежде отсутствовали следы крови.

15. Для сохранения следов происшествия вторая заявительница отметила мелом очертание тела первого заявителя и указала след от пули на стене больницы, а также следы крови и мозгового вещества. Третий заявитель и другие очевидцы происшествия записали часть номера полицейского автомобиля.

16. Кроме второй и третьего заявителя, в конце описываемых событий на месте происшествия присутствовали около 40 человек. Две телевизионные бригады прибыли на место вскоре после случившегося.

17. К ним присоединились несколько групп полицейских.

18. Первый заявитель и его брат были доставлены на полицейском автомобиле в больницу скорой помощи Флоряски¹. Как утверждает А.С., дядя первого заявителя, который хотел навести справки о состоянии здоровья племянника, дверь в палату, в которой он находился, охраняли несколько вооруженных полицейских в масках.

19. Во время беседы в больнице А.С. узнал имя полицейского, который выстрелил в его племянника, и подразделение, в котором тот служил. Этот полицейский сообщил ему, что он выстрелил, поскольку первый заявитель серьезно ранил одного из его коллег, который был также госпитализирован в том же учреждении.

20. А.С. поинтересовался в больнице, был ли раненый полицейский госпитализирован в один день с его племянником или проходил ли он там лечение. Ему дали отрицательный ответ.

b) Версия, изложенная властями Румынии

21. Власти Румынии основывали свою версию на фактах, изложенных в решениях прокурора о прекращении дела.

22. 19 мая 2000 г. группа полицейских в гражданской одежде из отдела расследования хище-

ния автомобилей бухарестской полиции в составе сотрудников Л.Н.Д., С.М. и Н.Б. патрулировала местность на автомобиле, когда они увидели молодого человека (С.К.), который бежал с криками о помощи, а его преследовали двое других лиц (первый заявитель и В.С.), вооруженных ножами.

23. Полицейские остановили свой автомобиль. Н.Б. и С.М. стали преследовать С.К., тогда как Л.Н.Д. попытался остановить первого заявителя и В.С., предъявив им служебное удостоверение. Эти двое отказались остановиться, а первый заявитель нанес удар ножом Л.Н.Д. Последний вытащил оружие с намерением произвести предупредительный выстрел, но потерял равновесие и выстрелил первому заявителю в голову.

24. Полицейские изъяли ножи у первого заявителя и его брата и посадили их в автомобиль. Л.Н.Д. и С.М. доставили участников происшествия и С.К. в клинику скорой помощи. Последний скрылся после прибытия в больницу.

2. Состояние здоровья первого заявителя и полицейского Л.Н.Д.

25. Первый заявитель поступил в отделение скорой помощи в глубоком коматозном состоянии. Ему был поставлен диагноз: «тяжелая черепно-мозговая травма, пулевое ранение, ранение кранио-дуро-церебральное височно-теменное левое и теменное верхнее и перелом с вдавливанием лобно-теменной левой части черепа». Из медицинской карты, завешенной после прибытия в больницу, следует, что у него была рана в левой височно-теменной области головы диаметром 3 см, из которой вытекали кровь и мозговая ткань, и рана в левой лобной области диаметром 1 см, откуда вытекали венозная кровь и мозговая ткань. Остальные наблюдения сводились к тому, что у потерпевшего был мягкий живот, печень нормальных размеров и почки, которые не прощупывались.

26. Заявитель перенес хирургическую операцию в ночь своего прибытия. Томографическое обследование, проведенное в это же время, показало очаги кровотечения и многочисленные костные фрагменты в мозговом веществе левой височной области, где находилось входное отверстие пули. Выходное отверстие находилось в верхней левой стенке, около темени.

27. Новое томографическое обследование, проведенное 22 мая 2000 г., выявило небольшие костные осколки в области темени.

28. 11 июня 2000 г. первый заявитель перенес вторую операцию. 3 августа 2000 г. он был переведен в больницу «Д. Багдасар», после чего ему был поставлен диагноз: «паралич правой стороны тела и афазия». 1 сентября 2000 г. он был выписан из больницы наполовину парализованным.

¹ Флоряской называется один из районов Бухареста (*прим. переводчика*).

29. Полицейский Л.Н.Д. был также осмотрен в больнице Флоряски. У него были диагностированы неглубокие раны подложечной области, причиненные острым предметом.

В. УГОЛОВНОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ ЖЕСТОГО ОБРАЩЕНИЯ, ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ПЕРЕНЕСЕННОГО ПЕРВЫМ ЗАЯВИТЕЛЕМ, И ЕГО НАПАДЕНИЯ НА ПОЛИЦЕЙСКИХ

1. Допрос свидетелей

30. Согласно показаниям третьего заявителя, имеющимся в материалах дела, полицейские, которые выехали на место происшествия после случившегося, установили свидетелей среди присутствовавших лиц и предложили им явиться в комиссариат¹, куда они прибыли к 19.30.

31. Вторая и третий заявители, а также А.С. и В.С. были впервые допрошены полицией в 21.00. Подчеркивая свою усталость и отсутствие у их родственников сведений об их местонахождении, они настойчиво просили разрешения вернуться домой. Полицейский, проводивший допрос, отказал им в этом.

32. А.С. и В.С., которые находились в том же кабинете, не получали ни воды, ни пищи. Они заявляли, что плохо себя чувствовали, были утомленными, и их ввели в заблуждение относительно длительности их срока пребывания в полиции.

33. Около 22.25 военный прокурор совместно с тремя полицейскими приступил к осмотру места происшествия. Были обнаружены гильза, пара шлепанцев, бампер от автомобиля «Дачия» и следы крови на земле. Были сделаны фотографии и произведена видеосъемка места происшествия. В протоколе осмотра места происшествия прокурор указал, что Л.Н.Д. утверждал, что на него напал цыган, имя которого он узнал только впоследствии.

34. В тот же вечер родственники первого заявителя подали в полицию заявление о возбуждении уголовного дела.

35. Уже после полуночи военный прокурор прибыл в комиссариат, и свидетели были вновь вызваны для дачи показаний. Каждого из них допрашивали отдельно в помещении, в котором находились прокурор в форме и некое лицо в штатском.

а) Версия заявителей относительно продолжения допроса

i) Допрос третьего заявителя

36. Третий заявитель был допрошен первым с полуночи до 2.00. Он сообщил, что происше-

ствие, время, проведенное в полиции во время его допроса, и его лишение питья и еды полицейскими истощили его физически и морально.

37. При даче показаний его неоднократно прерывал человек в штатском, который каждый раз спрашивал, уверен ли он, что первый заявитель не был вооружен ножом во время происшествия, и заявил: «Мы напишем, что у него был нож, и тогда тебе ничего не будет». Когда третий заявитель спросил его о причине, почему тот заставлял его заявлять, что первый заявитель был вооружен ножом, человек в штатском стал угрожать сообщить «цыганам», что он свидетельствовал против них, и тогда они устроят ему самосуд. У него спросили, не боится ли он свидетельствовать против полицейского, который мог бы причинить ему неприятности впоследствии.

38. После допроса человек в штатском предложил третьему заявителю подписать протокол допроса, который тот составил. Он попытался быстро прочитать документ, однако не смог понять его почерк. В конце концов он его подписал.

39. К 2.00 вторая заявительница вошла в помещение, где третий заявитель давал показания, и попросила разрешения вернуться домой. Желая понять, почему свидетели должны находиться в комиссариате для дачи показаний, она попросила показать документ, санкционирующий их задержание. Материалы дела не содержат сведений о рассмотрении их жалоб.

40. Третьему заявителю было запрещено покидать комиссариат до допроса всех остальных свидетелей.

ii) Допрос В.С.
(брата первого заявителя)

41. Допрос В.С. начался в 2.00. Дача им показаний несколько раз прерывалась военным прокурором, который каждый раз спрашивал, был ли тот уверен, что он и его брат – первый заявитель – не носили с собой ножей во время, относящееся к обстоятельствам происшествия. В.С. каждый раз отрицал ношение оружия.

42. По окончании допроса прокурор потребовал у В.С. подписать протокол. Хотя тот был неспособен прочитать написанное, он поставил свою подпись.

iii) Допрос А.С.
(дяди первого заявителя)

43. Допрос А.С. начался в 3 часа утра. Военный прокурор уведомил его, что его племянник, первый заявитель, нанес удары ножом полицейскому, который в ответ причинил ему поверхностные раны головы.

¹ В настоящее время окружные полицейские органы именуются инспекторатами (прим. переводчика).

44. А.С. на это ответил, что в больнице ему сообщили, что его племянник получил огнестрельные раны, нанесенные полицейским.

45. Прокурор не стал вносить показания А.С. в протокол, сообщив, что якобы допросит его позднее в военной прокуратуре.

46. Впоследствии А.С. пришел добровольно в прокуратуру для дачи показаний. Военный прокурор отказался от его допроса.

iv) Допрос второй заявительницы

47. Допрос второй заявительницы начался в 4 часа утра.

48. Военный прокурор во время допроса о происшествии несколько раз прерывал ее, спрашивая ее, была ли она уверена, что первый заявитель не был вооружен ножом. Каждый раз она отрицала наличие оружия.

49. Когда военный прокурор заявил, что первый заявитель ранил одного из полицейских ножом в брюшную полость, она возражала, утверждая, что остановила полицейского, о котором идет речь, и что она не заметила на нем никакой раны. Она утверждала, что, если бы полицейский был ранен, тогда его кровь окрасила бы белую блузку, которая была на ней надета и которую она показала прокурору.

50. Военный прокурор угрожал ей, говоря, что она будет иметь неприятности, если будет свидетельствовать против полицейских.

51. Он потребовал от нее подписать протокол допроса, который он вел. Хотя она не могла прочитать протокол допроса из-за слабости зрения и усталости, она его подписала.

52. По окончании допроса, который длился 5 часов, всем свидетелям было разрешено вернуться домой.

b) Версия властей Румынии о ходе допросов

53. Власти Румынии утверждали, что национальные власти не оказывали никакого давления на заявителей и что они имели возможность прочитать протоколы допроса, прежде чем их подписывать. Они также указывали, что показания второй заявительницы были изложены ее дочерью, поскольку она не умела писать. В этой связи они ссылались на показания заявительницы от 20 мая 2000 г., где имеется пометка «написано моей дочерью».

2. Последующее расследование

54. 19 и 21 мая 2000 г. трое причастных к описываемым событиям сотрудников полиции представили рапорты относительно оспариваемых

обстоятельств происшествия. Эти рапорты были приобщены к материалам следствия. Из них следовало, что Л.Н.Д. выстрелил после того, как первый заявитель нанес ему удар ножом.

55. Согласно объяснениям второй заявительницы, которые не были оспорены властями Румынии, реконструкция событий была проведена спустя 48 часов после происшествия в присутствии ее самой и военного прокурора.

56. 23 мая 2000 г. военный прокурор, руководивший расследованием дела, составил протокол, в котором указал, что согласно заключению врача М. первый заявитель находился в сознании, но не был способен давать показания.

57. 24 мая 2000 г. С.К. дал показания военному прокурору. Он утверждал, что вечером 19 мая 2000 г. первый заявитель и его брат, В.С., вооруженные ножами, гнались за ним в районе рядом с больницей «Каритас», когда некий человек вышел из остановившейся машины и попросил предъявить документы. В тот же момент он увидел, что к его преследователям обратились еще два человека, которые представились полицейскими. Первый заявитель и его брат отказались подчиниться. Первый заявитель стал наносить удары ножом одному из присутствовавших лиц, который в ответ выстрелил без предупреждения. Рубашка стрелявшего окрасилась в красный цвет. Один из полицейских бросил ножи в машину. С.К. был увезен на этой машине, однако скрылся, опасаясь нападения со стороны брата первого заявителя.

58. 25 мая 2000 г. прокуратура обратилась в адвокатскую палату Бухареста с просьбой о назначении представителя интересов первого заявителя. В материалах дела нет указаний о том, что адвокат был назначен.

59. 26 мая 2000 г. прокуратура назначила баллистическую экспертизу оружия Л.Н.Д. 29 мая 2000 г. Генеральный директорат полиции направил в прокуратуру заключение, из которого следовало, что оружие недавно применялось, однако в отсутствие фотографий входного и выходного отверстий пули и медицинской карты определить расстояние, направление и угол выстрела не представлялось возможным.

60. 20 июня 2000 г. военная прокуратура назначила судебно-медицинскую экспертизу травм Л.Н.Д. и технико-научную экспертизу относительно направления удара предметом, который их причинил.

61. 15 сентября 2000 г. Национальный институт судебной экспертизы в г. Бухарест представил заключение судебно-медицинской экспертизы о том, что полицейский имел две раны живота, причиненные острым предметом (возможно, бритвой, ножом и так далее), которые могли датироваться

19 мая 2000 г., но не представляли угрозу для жизни лица. В нем отмечалось, что сделать вывод по поводу самотравмирования не представляется возможным.

62. 31 октября 2000 г. Национальный институт судебной экспертизы представил заключение технико-научной экспертизы по поводу траектории предмета, причинившего данную травму. В нем указывалось, что форма и направление травм соответствуют повреждению рубашки полицейского, что эти травмы могли быть причинены изъятым ножом и что с учетом расположения и формы травмы могли быть причинены при нападении. В заключении указывалось, что вероятность самотравмирования уменьшилась.

63. 26 сентября 2000 г., прокуратура назначила судебно-медицинскую экспертизу состояния здоровья первого заявителя.

64. 24 октября 2000 г. Н.С., отец первого заявителя, направил в прокуратуру письмо, в котором повторно требовал наказания виновных в жестком обращении с его сыном, а также компенсации морального вреда и материального ущерба, понесенного им в результате их действий.

65. В декабре 2000 г. прокуратура направила отцу повестку о явке в прокуратуру 14 декабря 2000 г. Повестка была направлена ему по старому адресу, поэтому он ничего не знал о вызове. Из материалов дела следует, что повестка не была направлена повторно.

66. 14 декабря 2000 г. Л.С., охранник больницы «Каритас», вблизи которой имело место происшествие, дал показания в прокуратуре. По его словам, около 19.00, услышав выстрелы, он выбежал на улицу и увидел конфликт между несколькими людьми. Он слышал, как кто-то сказал, что стрелявший был полицейским. Другой человек говорил, что полицейский выстрелил после того, как был ранен.

67. 28 февраля 2001 г. Национальный институт судебной экспертизы направил в прокуратуру заключение судебно-медицинской экспертизы в отношении первого заявителя (§ 63 настоящего Постановления), составленное врачом А.Р. В нем указывалось, что при поступлении первого заявителя в больницу скорой помощи Флоряски первый заявитель имел рану в левом виске, вызванную огнестрельным оружием, диаметром 3 см, окруженную некротической областью, из которой текли кровь и мозговое вещество, и что она являлась входным отверстием пули. Он также показал, что у первого заявителя имелась рана на тыльной стороне головы, диаметром 2 см, из которой текли кровь и мозговое вещество, которая являлась выходным отверстием пули. Согласно заключению, то обстоятельство, что выходное отверстие было меньше, чем входное,

объяснялось тем, что выстрел мог быть произведен в упор, в положении, когда взрывные газы от выстрела способствуют расширению входного отверстия. Однако в заключении имелись следующие выводы:

«Невозможно точно установить положение потерпевшего во время выстрела, поскольку лица [участвовавшие в происшествии] находились в тот момент в движении. Было установлено, что пуля имела траекторию сверху вниз и слева направо. Травмы, причиненные Соаре Мугурелу, привели к бессрочной физической и психической инвалидности, его жизни угрожает опасность».

68. 2 марта 2001 г. прокурор, в ведении которого находилось дело, составил акт о просмотре кассеты с записью репортажей частных телевизионных компаний о происшествии, в которых содержались свидетельства очевидцев о событиях, произошедших 19 мая 2000 г. Из этих записей следовало, что полицейский представился первому заявителю, однако стрелял без предупреждения.

69. 11 июля 2001 г. Л.Н.Д. дал показания в прокуратуре. Он подтвердил свои заявления, сделанные им 19 мая 2000 г.

70. 24 июля 2001 г. прокуратура прекратила уголовное дело в отношении Л.Н.Д., возбужденное по факту покушения на убийство, установив, что он действовал в целях необходимой самообороны. Она также прекратила дело в отношении первого заявителя и его брата по обвинению в оскорблении из-за отсутствия жалобы потерпевшего, необходимой в соответствии с уголовным законодательством.

71. В ту же дату резолютивная часть постановления была направлена военной прокуратурой при Верховном суде Румынии первому заявителю и его представителю, Ассоциации защиты прав человека в Румынии – Хельсинкскому комитету (далее – APADOR-CH). Ни заявитель, ни APADOR-CH в дальнейшем не получили мотивировочную часть постановления.

72. 14 сентября 2001 г. военная прокуратура при Верховном суде отменила постановление и направила дело для возобновления расследования в прокуратуру при Военном суде г. Бухарест, установив, что свидетели допрашивались в полиции, а не в военной прокуратуре. Она постановила возобновить следствие, которое должно было завершиться до 15 октября 2001 г.

73. 10 октября 2001 г. первый заявитель оспорил постановление от 24 июля 2001 г., требуя при этом предоставления его полного текста. Он вновь утверждал, что 19 мая 2000 г. он не был вооружен ножом. APADOR-CH также 12 октября 2001 г. оспорила это решение, требуя предоставить его полный текст.

74. 6 декабря 2001 г. вторая и третий заявители дали показания в прокуратуре, повторив свои заявления в отношении произошедших 19 мая 2000 г. событий. Вторая заявительница уточнила, что ни она, ни третий заявитель не желали давать показания в отсутствие других членов семьи первого заявителя в связи с испытываемым ими страхом. Она объяснила, что была членом другой группы цыган – «арджинтари» – в отличие от первого заявителя, который принадлежал к группе «спойтори».

75. 10 декабря 2001 г. главный прокурор территориальной военной прокуратуры г. Бухарест отменил постановление о прекращении дела от 24 июля 2001 г. Он распорядился возобновить следствие и указал конкретные действия, которые необходимо было предпринять. В этой связи он предложил обратиться в контрольную комиссию Национального института судебной экспертизы за разъяснениями по поводу проведенных в ходе следствия медицинских экспертиз, провести новый допрос свидетелей и причастных полицейских, а также других свидетелей, установить происхождение ножа в машине полицейских и обеспечить получение любых иных доказательств, способных послужить установлению фактов.

76. В ту же дату прокуратура обратилась в контрольную комиссию Национального института судебной экспертизы за необходимыми разъяснениями. Однако требования были выполнены только 28 февраля 2002 г.

77. 7 марта 2002 г. адвокат первого заявителя отправилась в прокуратуру, где потребовала предоставить ей копию решения от 24 июля 2001 г., но получила отказ. Тем не менее она получила возможность ознакомиться с решением, а также с теми документами, которые не были приобщены к делу, но были переданы в Национальный институт судебной экспертизы. В тот же день адвокат первого заявителя ходатайствовала в военную прокуратуру о выдаче ей копии уголовного дела для подготовки жалобы первого заявителя в Европейский Суд. 27 марта 2002 г. военная прокуратура дала адвокату ответ о невозможности предоставления копии уголовного дела в связи с продолжением следствия. Однако прокуратура сообщила ей, что она может ознакомиться с материалами дела в прокуратуре лично.

78. 15 мая 2002 г. контрольная комиссия Национальный институт судебной экспертизы направила в прокуратуру мнение по заключению судебно-медицинской экспертизы от 28 февраля 2001 г., проведенной врачом А.Р. Комиссия устранила опечатку, которая имелась в заключении судебно-медицинской экспертизы, установив, что траекторией пули являлось направление снизу

вверх, как это следовало из объяснений, содержащихся в заключении.

79. 13 июня 2003 г. вследствие реформы статуса полиции дело было передано в гражданскую прокуратуру, а именно прокуратуру при суде г. Бухарест.

80. 17 июля 2003 г. Л.Н.Д. дал новые показания, в которых он подтверждал свои предыдущие заявления.

81. 23 июля 2003 г. прокуратура при суде г. Бухарест сняла обвинения с Л.Н.Д. в покушении на убийство, установив, что он действовал в целях самообороны. Постановление основывалось на следующих фактах:

«Находясь в машине, двигавшейся с небольшой скоростью, три сотрудника полиции увидели молодого человека (С.К.), который бежал, призывая на помощь, а потом еще двоих (Мугурела Соаре и В.С.). Сотрудники полиции вышли из машины. Н.Б. и М.С. бросились следом за С.К., тогда как Д.И. попытался задержать Мугурела Соаре и В.С., которые были вооружены ножами, крикнув: “Стой! Полиция!” и показав удостоверение полицейского. Мугурел Соаре и В.С. отказались остановиться, и Соаре нанес Л.Н.Д. ножевое ранение в брюшную полость. Л.Н.Д. принял ответные меры, достал пистолет, чтобы произвести предупредительный выстрел, когда потерял равновесие, поэтому пуля направилась по восходящей траектории, задев голову М.С., когда тот попытался нанести еще один удар Л.Н.Д. Раненый Мугурел Соаре упал на землю. Тем временем В.С. был остановлен М.С. Два сотрудника полиции подобрали упавшие на землю ножи, бросили их в машину и доставили Мугурела Соаре в больницу (...).

Прокуратура также прекратила дело в отношении первого заявителя и его брата по факту нанесения оскорбления. Прокуратура приняла во внимание, что заявители не знали, что их преследуют сотрудники полиции, поскольку они имели гражданскую форму одежды, а их автомобиль не имел специальных знаков. Что касается причинения телесных повреждений, то прокуратура приняла во внимание, что потерпевший не подавал жалобу, что являлось необходимым требованием уголовного законодательства для преследования.

С. ЖАЛОБА ВТОРОГО И ТРЕТЬЕГО ЗАЯВИТЕЛЕЙ

82. В конце июня 2000 г. вторая и третий заявители обратились в местную неправительственную организацию «Ассоциация защиты прав человека в Румынии – Хельсинкский комитет», прося подать жалобу на действия полицейских, чтобы наказать их за жестокое обращение с ними в ночь с 19 по 20 мая 2000 г., поскольку опасались сделать это самостоятельно.

83. 4 июля 2000 г. APADOR-CH представила документ, озаглавленный «Доклад по делу Мугурела

Соаре из Бухареста», и просила прокуратуру при Верховном суде Румынии начать расследование лишения свободы и бесчеловечного и унижающего достоинство обращения с двумя последними заявителями, а именно обстоятельств их содержания в полиции без воды и при невыносимом давлении в виде угроз со стороны властей. Она также просила начать следствие по поводу обстоятельств, жертвой которых являлся первый¹. Прокурор направил доклад в прокуратуру при военном суде Бухареста для рассмотрения.

84. В ту же дату APADOR-CH направила аналогичную просьбу в Генеральный директорат полиции.

85. 10 июля 2000 г. Генеральный директорат полиции дал ответ, что вторая и третий заявители добровольно явились в комиссариат полиции и пребывали там в ночь с 19 по 20 мая 2000 г., и что только прокуратура при военном суде г. Бухарест обладала полномочиями уголовного следствия по делу первого заявителя, указав, что заключение организации уже передано туда.

86. 15 мая 2001 г. APADOR-CH направила прокурору при Верховном суде запрос о предоставлении информации относительно хода расследования. Прокуратура не дала ответа.

87. 12 октября 2001 г. APADOR-CH направила аналогичные запросы в прокуратуру при военном суде Бухареста, которые также остались без ответа.

88. Письмом от 21 июля 2005 г. на имя Уполномоченного Румынии в Европейском Суде прокуратура при Верховном кассационном суде – новое название Верховного суда Румынии – сообщила, что она не рассматривала жалобу второй и третьего заявителей.

D. ОСВЕЩЕНИЕ СОБЫТИЙ В ПРЕССЕ

89. 22 мая 2000 г. в газете «Либертия» появилась статья под названием «Цыган, напавший на патруль полиции, был ранен в голову выстрелом полицейского». Статья начиналась со слов: «Новое вооруженное противостояние между полицией и цыганами имело место в пятницу». Статья заканчивалась сообщением о «новом столкновении, менее серьезном, которое произошло также в Бухаресте.

В статье говорилось, что первый заявитель и его брат угрожающе размахивали ножами во время задержания. В ней говорилось также:

«Несколько не испуганные сотрудниками полиции, которые утверждают, что незамедлительно представились, (...) цыгане отказались от преследования и набросились на полицейских. По мнению

троих сотрудников полиции, [Л.Н.]Д. применил оружие только будучи раненым Мугурелом Соаре. Следовательно, это было вооруженное нападение цыгана, который ранил полицейского в брюшную полость, после чего тот выстрелил (...). С другой стороны, цыгане называют себя жертвами полицейского произвола».

В статье приводились утверждения членов семьи первого заявителя. Последнего в статье называли то по имени, то словом «цыган».

90. 10 октября 2001 г. государственный канал «Телевизюня Ромэнэ» показал передачу о расследовании обращения, которому подвергся первый заявитель, проведенном журналистом, который взял интервью у второй и третьего заявителей и участвовавших в происшествии сотрудников полиции.

E. ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИРЕКТОРА НАЦИОНАЛЬНОГО ИНСТИТУТА СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ОТ 4 НОЯБРЯ 2005 г.

91. 4 ноября 2005 г. в ответ на запрос представителя властей Румынии в Европейском Суде профессор Дан Дерменджиу, директор Национального института судебной экспертизы, представил мнение по поводу заключений медицинских экспертов, проведенных в ходе расследования. В своем мнении он указал следующее:

«Описание траектории пули как идущей “снизу вверх” правильно, только если оно соотносится с плоскостью человеческого тела и его частей. Например, если человек находится в стандартном анатомическом положении, то есть ортостатическом (стоя на ногах), при стрельбе движение пули будет направлено “снизу вверх”; если человек лежит лицом вниз, движение пули будет направлено “сверху вниз”».

Относительно входного отверстия пули единственный логический и научный вывод, который можно сделать из описания черепно-мозговых повреждений, сделанных в ходе нейрохирургического вмешательства и подтвержденных рентгеновскими и томографическими исследованиями, что оно находилось в левой височной области. Заключение было основано на описаниях, сделанных:

– в ходе нейрохирургического вмешательства:

- упоминание «некротической области вокруг» (вероятно, площади разрушения ткани, вызванного действием горячих газов, огня и дыма вследствие взрывного горения пороха);

- «левая височная кость: несколько осколков кости, которые нарушили твердые ткани мозговой оболочки и проникли в ткань мозга»;

– при компьютерной томографии головного мозга (томографическое исследование № 4174 от 19 мая

¹ Вероятно, имеется в виду первый заявитель (прим. переводчика).

2000 г., выполненное в отделении скорой помощи больницы Флоряски):

■ «в мозговом веществе левой височной доли, где находится входное отверстие пули, наблюдаются кровотокающие области и несколько фрагментов кости».

В таких случаях имеет значение расположение костных фрагментов. При повреждении кости вследствие попадания пули образуются костные фрагменты, которые двигаются по направлению траектории пули: во входном отверстии черепа костные фрагменты обращены внутрь черепа (находятся в мозговом веществе), тогда как у выходного отверстия они отброшены к внешней стороне черепа.

На основании исходных данных, имеющихся в медицинских документах, можно сделать вывод о том, что пуля вошла в череп потерпевшего в левой части височной доли и вышла из левой передней теменной области (недалеко от венечного шва черепа и в 1 см от линии по медиане черепа)».

II. ПРИМЕНИМОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, НАЦИОНАЛЬНАЯ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПРАКТИКА

1. Закон № 26 от 12 мая 1994 г. «Об организации и деятельности румунской полиции»

92. В соответствующих частях данного Закона предусматривалось следующее:

«Статья 19

«В случае крайней необходимости и если применение иных средств сдерживания и иммобилизации не представляется возможным, полиция вправе применять холодное или огнестрельное оружие исключительно в порядке, предусмотренном законом, в целях:

а) защиты себя и других людей от нападений, которые ставят под угрозу их жизнь и здоровье, а также для освобождения заложников...

d) задержания подозреваемых, застигнутых во время совершения деяния, пытающихся скрыться и не подчиняющихся предложению оставаться на месте совершения деяния;

e) иммобилизации подозреваемого, применившего холодное или огнестрельное оружие...

Статья 21

До применения оружия против лица в соответствии с условиями, предусмотренными статьями 19 и 20, полицейский должен произвести первичное предупреждение произнесением слова: «Стойте!». В случае неповиновения вызов должен быть повторен произнесением фразы: «Стойте, или буду стрелять!». Если лицо не подчиняется второму предупреждению, третье предупреждение будет произведено путем выстрела в воздух. Если отсутствует необходимое время для предупреждения,

оружие может быть использовано без предупреждения – в случае неожиданного нападения, осуществленного против полицейских или других людей, а также для задержания правонарушителей, использующих огнестрельное оружие. Если лицо не подчиняется предупреждениям, сделанным в соответствии с данным положением, полицейский вправе применить по отношению к нему огнестрельное оружие с целью иммобилизации, не лишая его жизни.

Полицейский может применить оружие без предупреждения, если он или третье лицо подверглись внезапному нападению или необходимо задержать подозреваемого, имеющего холодное или огнестрельное оружие, и не представляется возможным произвести предупреждение. (...)

Статья 23

О каждом случае применения оружия немедленно сообщается вышестоящему начальнику. Если лицу причинена смерть или ранение, об этом уведомляется компетентный прокурор. (...)

Статья 25

При наличии явных признаков преступления и в случае необходимости сохранения доказательств преступления для расследования компетентными органами полиция обязана принять меры даже в нерабочее время и в отсутствие территориальной юрисдикции данного подразделения. (...)

Статья 27

Полицейским запрещено причинять физические или психические страдания в целях получения у опрашиваемого человека или третьего лица информации или признаний, наказывать за действия, предположительно совершенные этим человеком или третьим лицом, запугивать или оказывать давление на человека или на третье лицо.

При любых обстоятельствах полицейским запрещается также применять пытки даже в случае войны, внутренней политической нестабильности или иной чрезвычайной ситуации.

Полицейские не вправе ссылаться на приказ вышестоящего начальника или иного органа в оправдание нарушения правовых положений, содержащихся в предшествующих пунктах.

Статья 28

В порядке, предусмотренном законом, полицейские несут ответственности за неисполнение своих обязанностей или их превышение.

Статья 29

Полицейские должны защищать здоровье и физическую неприкосновенность лиц, находящихся под их контролем, и, в частности, принимать при необходимости меры для оказания им медицинской помощи».

2. Закон № 17 от 11 апреля 1996 г.**«Об огнестрельном оружии и боеприпасах»**

93. Соответствующие положения закона предусматривают следующее:

«Статья 9

[К сфере действия] настоящего закона не относятся, за исключением применения оружия, военные органы, части, соединения и учреждения (...)

Статья 47

Лица, владеющие огнестрельным оружием, могут применять его для решения задач, связанных с их обязанностями или военной службой, в следующих случаях:

(...)

d) для имобилизации преступников, пытающихся скрыться;

(...)

f) для имобилизации или задержания лиц, в отношении которых имеются убедительные основания или доказательства совершения ими преступлений и которые применяют или могут применять оружие или иные предметы, угрожающие жизни или физической неприкосновенности лица (...)

Статья 48

Лица, имеющие право на хранение, ношение или применение оружия для защиты или самообороны, могут применять его для законной обороны или при необходимости в порядке, предусмотренном законом.

Статья 49

«Применение оружия против лица в случаях, предусмотренных пунктами “с”, “d”, “g”, “h” и “i” статьи 47, допускается при условии предупреждений, предусмотренных законом.

Лицо, владеющее оружием, делает первое предупреждение произнесением слова: “Остановиться!”. В случае неповиновения вызов должен быть повторен произнесением фразы: “Стой, или буду стрелять!”. Если лицо не подчиняется второму предупреждению, третье предупреждение будет произведено путем выстрела в воздух (...)

Статья 72

Несоблюдение положений данного Закона влечет, в зависимости от обстоятельств, гражданскую, материальную, дисциплинарную, административную или уголовную ответственность».

3. Практика применения огнестрельного оружия

94. Пункт 2 статьи 9 Кодекса этики и деонтологии полицейского от 25 августа 2005 г. предусматривает, что применение силы полицейскими должно отвечать принципам необходимости, пропорциональности и постепенности.

95. Согласно статистике, представленной заявителем и обнародованной 24 января 2006 г. Министерством администрации и внутренних дел Румынии в соответствии с Законом № 544/2001 о доступе к сведениям, представляющим публичный интерес, в 2005 году в Румынии были зафиксированы 115 случаев применения огнестрельного оружия полицейскими, при этом один человек погиб. Дисциплинарные расследования в полиции в тот же период не повлекли санкций против полицейских, применивших огнестрельное оружие.

4. Положения о явке свидетелей

96. Соответствующая статья Уголовно-процессуального кодекса предусматривает следующее:

«Статья 83**Обязанность явки [свидетелей]**

Лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться в место, в дату и во время, указанные в повестке. Оно обязано сообщить все, что ему известно о фактах дела».

5. Положения об обращении в органы преследования

97. Соответствующая статья Уголовно-процессуального кодекса предусматривает следующее:

«Статья 221 § 1**(Обращение в следственные органы)**

Сотрудники судебной полиции и прокуратуры действуют на основании жалобы или сообщения или по собственной инициативе, если они узнают любым путем о совершении преступления».

6. Положения о жестоком обращении

98. Положения Уголовного кодекса, запрещающие жестокое обращение в период, относящийся к обстоятельствам дела, изложены в Постановлении Европейского Суда по делу «Пантя против Румынии» (*Pantea v. Romania*) (жалоба № 33343/96, §§ 154–156, *CEDH* 2003-VI (извлечения)), и в Решении Европейского Суда по делу «Олтяну против Румынии» (*Olteanu v. Romania*) от 26 января 2006 г., жалоба № 71090/01.

7. Положения о статусе военных прокуроров и полицейских

99. Законодательные положения о статусе военных прокуроров и полицейских изложены в Постановлении Европейского Суда по делу «Бурсук против Румынии» (*Bursuc v. Romania*) от 12 октября 2004 г., жалоба № 42066/98, §§ 68–70.

III. ПРИМЕНИМОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И ПРАКТИКА

100. Пункт 1 статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает:

«Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни».

101. В этой связи Комитет по правам человека ООН издал следующие замечания (замечание общего порядка № 6, статья 6, 16-я сессия (1982), § 3):

«Защита от произвольного лишения жизни, которая прямо устанавливается в третьем предложении пункта 1 статьи 6, имеет чрезвычайно важное значение. Комитет считает, что государственные участники должны принять меры не только по предупреждению и наказанию уголовных действий, ведущих к лишению жизни, но также и по предотвращению произвольных убийств, совершаемых их собственными силами безопасности. Лишение людей жизни государственными властями является вопросом чрезвычайной сложности. Поэтому законом должны строго регулироваться и ограничиваться те обстоятельства, при которых человек может быть лишен жизни такими органами властями».

102. Восьмой Конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями принял 7 сентября 1990 г. Принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка (далее – Принципы применения силы). Пункт 9 этих принципов предусматривает:

«Должностные лица по поддержанию правопорядка не применяют огнестрельного оружия против людей, за исключением случаев самообороны или защиты других лиц от неминуемой угрозы смерти или серьезного ранения или с целью предотвращения совершения особо серьезного преступления, влекущего за собой большую угрозу для жизни, с целью ареста лица, представляющего такую опасность, сопротивляющегося их власти, или с целью предотвращения его побега и лишь в тех случаях, когда менее решительные меры недостаточны для достижения этих целей. В любом случае преднамеренное применение силы со смертельным исходом может иметь место лишь тогда, когда оно абсолютно неизбежно для защиты жизни».

Пункт 5, в частности, предусматривает, что должностные лица по поддержанию правопорядка «проявляют сдержанность в таком применении силы и действуют исходя из серьезности правонарушения и той законной цели, которая должна быть достигнута». Согласно пункту 7 «Правительства обеспечивают, чтобы произвольное или злонамеренное применение силы или

огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка каралось в соответствии с их законом как уголовное преступление». Подпункт «b» пункта 11 предусматривает, что нормы и положения о применении огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка включают руководящие принципы, которые обеспечивают, чтобы огнестрельное оружие применялось лишь в надлежащих обстоятельствах и таким образом, чтобы можно было бы уменьшить опасность причинения чрезмерного ущерба», тогда как подпункт «e» пункта 11 требует, чтобы они определяли «предупреждения, которые в соответствующих случаях даются перед выстрелом из огнестрельного оружия».

Другие применимые к делу положения указывают следующее:

«Пункт 10

(...) должностные лица по поддержанию правопорядка делают предупреждение о намерении применить огнестрельное оружие, предоставляя достаточное время для ответной реакции на это предупреждение, за исключением тех случаев, когда эти действия создают для должностных лиц по поддержанию правопорядка ненужную опасность или создают опасность смерти или нанесения серьезного ущерба другим лицам или же были бы явно неуместными или ненужными при создавшихся обстоятельствах инцидента. (...)

Пункт 18

«Правительства и правоохранительные органы обеспечивают, чтобы все должностные лица по поддержанию правопорядка отбирались с помощью надлежащих процедур отбора, обладали соответствующими моральными, психологическими и физическими качествами для эффективного выполнения своих функций и проходили непрерывную и тщательную профессиональную подготовку. Необходимо периодически осуществлять проверку их пригодности для исполнения таких функций».

Пункт 19

Правительства и правоохранительные органы обеспечивают, чтобы все должностные лица по поддержанию правопорядка проходили подготовку и проверялись в соответствии с надлежащей специальной подготовкой к действиям в условиях применения силы. Должностные лица по поддержанию правопорядка, которые должны носить огнестрельное оружие, получают соответствующие разрешения лишь по завершении специального курса обучения их применению. (...)

Пункт 22

(...) Правительства и правоохранительные органы устанавливают эффективные процедуры представления и разбора рапортов в отношении всех инцидентов... По инцидентам, рапорты в отноше-

нии которых представлены в соответствии с этими принципами, правительства и правоохранительные учреждения обеспечивают эффективный процесс разбора и возможность осуществления при надлежащих обстоятельствах юрисдикции независимыми административными органами или органами, осуществляющими судебное преследование.

Пункт 23

Лица, пострадавшие от применения силы и огнестрельного оружия, или их законные представители имеют доступ к независимому процессу, включая судебный процесс. В случае смерти таких лиц настоящее положение соответствующим образом распространяется на их иждивенцев».

103. Статья 3 Кодекса поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятого 17 декабря 1979 г. Генеральной Ассамблеей ООН, – и комментарий к ней предусматривают:

«Статья 3

Должностные лица по поддержанию правопорядка могут применять силу только в случае крайней необходимости и в той мере, в какой это требуется для выполнения их обязанностей.

Комментарий:

a) В этом положении подчеркивается, что применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка должно носить исключительный характер; хотя оно подразумевает, что должностные лица по поддержанию правопорядка могут быть уполномочены на применение силы, какая является разумно необходимой при данных обстоятельствах, в целях предупреждения преступления или при проведении правомерного задержания правонарушителей или подозреваемых правонарушителей, или при оказании помощи при таком задержании не может применяться сила, превышающая необходимые для этих целей пределы.

b) Национальное законодательство, как правило, ограничивает применение силы должностными лицами по поддержанию правопорядка в соответствии с принципом пропорциональности. Это следует понимать таким образом, что при толковании этого положения должны уважаться эти национальные принципы пропорциональности. Это положение ни в коем случае не толкуется таким образом, будто оно уполномочивает на применение такой силы, какая является несоразмерной законной цели, которую нужно достичь.

c) Применение огнестрельного оружия считается крайней мерой. Следует приложить все усилия к тому, чтобы исключить применение огнестрельного оружия, особенно против детей. Как правило, огнестрельное оружие не должно применяться, за исключением случаев, когда подозреваемый правонарушитель оказывает вооруженное сопротивление или иным образом ставит под угрозу жизнь других и когда другие меры, имеющие менее исключительный характер, недостаточны для обсуждения или задержания подозреваемого правонарушителя.

О каждом случае применения огнестрельного оружия должно быть незамедлительно сообщено компетентным властям».

104. Соответствующие положения применимых международных документов, относящихся к ситуации цыганского сообщества в Румынии, изложены в Постановлении Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии» (Cobzaru v. Romania) от 26 июля 2007 г., жалоба № 48254/99, §§ 44–52.

IV. ДОКЛАД «МЕЖДУНАРОДНОЙ АМНИСТИИ» «ПРИМЕНЕНИЕ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И ПОДДЕРЖАНИЕ ПОРЯДКА»

105. В своем докладе «Применение огнестрельного оружия и поддержание порядка», изданном в феврале 2004 г. в рамках кампании по контролю за огнестрельным оружием, «Международная амнистия» энергично критиковала использование огнестрельного оружия в Румынии. В докладе говорится, что с середины 1990-х годов в Румынии десятки людей были убиты и многие ранены в происшествиях, в которых полиция стреляла в подозреваемых, пытающихся скрыться, но не представляющих угрозу жизни. Отмечалось, что национальное законодательство позволяет полиции стрелять с целью «задержания подозреваемых, застигнутых на месте преступления и пытающихся скрыться, не подчиняясь приказу оставаться на месте» в нарушение международных принципов в сфере прав человека. Подчеркивалось, что в сентябре 2000 г. Министерство внутренних дел Румынии приняло новые правила применения силы и огнестрельного оружия, которые ограничили вышеуказанное положение случаями «тяжких преступлений», однако вопрос о том, кто уполномочен разрешать вопрос о тяжести преступления и по каким критериям, оставлен без ответа. Поведение полицейских, стреляющих в подозреваемых в менее тяжелых преступлениях, по-прежнему рассматривается как законное применение оружия. Новый закон об организации и деятельности полиции, вступивший в силу в мае 2002 г., не изменил эту ситуацию.

ПРАВО

ЧАСТЬ I – ПО ЖАЛОБЕ, ПОДАННОЙ ПЕРВЫМ ЗАЯВИТЕЛЕМ

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

106. Первый заявитель жаловался со ссылкой на статью 2 Конвенции, что полиция применила к нему избыточную огневую мощь, поставившую

его жизнь под угрозу, и что национальные органы не провели адекватное и эффективное расследование по данному делу. Статья 2 Конвенции предусматривает:

Статья 2

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- a) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- b) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- c) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

А. ПРИМЕНИМОСТЬ СТАТЬИ 2 КОНВЕНЦИИ

107. Европейский Суд принимает к сведению, что стороны согласились с тем, что статья 2 Конвенции применима к делу. Однако он должен рассмотреть вопрос о своей компетенции *ratione materiae*¹ по собственной инициативе.

108. В аналогичных рассмотренных делах Европейский Суд признавал, что статья 2 Конвенции применима, даже если жертва выжила, поскольку примененная к ней сила являлась потенциально летальной, и она выжила по чистой случайности (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макарацис против Греции» (*Makaratzis v. Greece*), жалоба № 50385/99, §§ 49–55, *CEDH* 2004-XI).

109. В настоящем деле не оспаривается, что заявитель был серьезно ранен в голову с близкого расстояния и в настоящее время страдает от афазии и стойкого физического и психического заболевания (§§ 28 и 67 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах Европейский Суд находит, что заинтересованное лицо является жертвой поведения, которое по своему характеру ставило его жизнь под угрозу, хотя и в конце концов выжило (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макарацис против Греции», § 55, Постановление Европейского Суда по делу «Караджианнопулос

против Греции» (*Karagiannopoulos v. Greece*) от 21 июня 2007 г., жалоба № 27850/03, § 39).

110. Таким образом, статья 2 Конвенции является применимой к настоящему делу.

111. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

В. СУЩЕСТВО ЖАЛОБЫ

1. Предполагаемое уклонение властей от исполнения обязанности защищать право заявителя на жизнь

a) Доводы сторон

i) Доводы заявителя

112. Заявитель утверждает, что является жертвой крайнего и неоправданного насилия со стороны полиции, и указывает, что ссылка стрелявшего полицейского на самозащиту не подтверждается фактами по делу.

113. Прежде всего, в период, относящийся к обстоятельствам дела, положения законодательства о применении огнестрельного оружия полицией были неясными и неконкретными. Они не содержали подробностей условий, позволяющих полиции использовать огнестрельное оружие в повседневной деятельности и применять его. Кроме того, Закон № 17/1996, регулирующий использование оружия и боеприпасов, не содержит гарантий против злоупотребления оружием. Формулировка статьи 72 этого закона, согласно которой «несоблюдение положений данного Закона влечет, в зависимости от обстоятельств, гражданскую, материальную, дисциплинарную, административную или уголовную ответственность», также являлась весьма абстрактной.

Кроме того, уже впоследствии Кодекс этики и деонтологии полиции, утвержденный 25 августа 2005 г. постановлением Правительства Румынии № 991, ограничился лишь перечислением принципов – включавших необходимость и пропорциональность, – но не содержал конкретных положений об условиях и порядке применения огнестрельного оружия.

При таких условиях государство не могло считаться исполнившим позитивное обязательство о создании законодательной и административной базы, вытекающее из первого предложения пункта 1 статьи 2 Конвенции.

¹ *Ratione materiae* (лат.) «ввиду обстоятельств, связанных с предметом рассмотрения», критерий существа обращения, применяемый при оценке приемлемости жалобы Европейским Судом (прим. переводчика).

114. Во-вторых, ни заявитель, ни его брат не были вооружены ножами или иным оружием, и они не нападали на полицейских. Кроме того, на месте происшествия ножи отсутствовали, и единственный нож, изъятый в качестве доказательства, был предположительно обнаружен в полицейском автомобиле. Этот нож не являлся предметом дактилоскопической экспертизы в рамках расследования, и проверка его происхождения не проводилась. В ходе следствия свидетели подтвердили эту версию. Кроме того, тот факт, что всего один из трех полицейских осуществлял задержание заявителя и его брата, тогда как два других преследовали С.К., подтверждает, что заявители не рассматривались как угроза, поскольку они не имели ножа или иного оружия.

115. Кроме того, подозрение вызывает исправление в заключении судебно-медицинской экспертизы по поводу травм Л.Н.Д. Действительно, в первом заключении от 15 сентября 2000 г. Национальный институт судебной экспертизы указал, что полицейский имел два ранения, причиненных, по-видимому, бритвой, но во втором заключении от 21 октября 2000 г., после того, как в записке прокурора было указано, что раны причинены ножом, Национальный институт судебной экспертизы изменил свое заключение, вставив слово «нож» после слова «бритва» в перечне предметов, которые могли причинить данную травму. При таких условиях данное заключение не могло считаться объективным. В любом случае это не исключало версию самотравмирования данного полицейского.

116. В-третьих, пуля, поразившая первого заявителя, следовала по восходящей траектории. Карточка приема пациентов, заполненная 19 мая 2000 г., действительно указывала, что у заявителя имеется рана диаметром 2 см в верхней части черепа и еще одна диаметром 3 см, расположенная ниже, около левого уха. Из фундаментальных основ судебной медицины известно, что входное отверстие пули меньше выходного. При таких обстоятельствах следовало бы заключить, что пуля в действительности двигалась по нисходящей траектории. Выводы заключения от 28 февраля 2001 г. были правильными до их изменения контрольной комиссией Национального института судебной экспертизы 15 мая 2002 г.

117. Заключение от 4 ноября 2005 г., представленное властями Румынии, содержит подпись Д.Д., директора Национального института судебной экспертизы, назначенного министром здравоохранения, что власти Румынии хотели скрыть от Европейского Суда, поскольку автор заключения подписался как профессор медицинского университета, а не как директор Национального ин-

ститута судебной экспертизы, хотя документ был составлен на бланке этого учреждения. Данное учреждение является подведомственным Высшему совету судебной медицины – органу, состоящему из представителей Министерства юстиции, Министерства внутренних дел, прокуратуры и Министерства здравоохранения – и контролируется Министерством здравоохранения. Эти элементы свидетельствуют об отсутствии независимости Национального института судебной экспертизы от правительства и вызывают сомнение в объективности экспертизы, проведенной Д.Д.

Кроме того, заключение основывалось на выводах томографического обследования от 19 мая 2000 г., в котором указывалось, что входное отверстие пули находилось вблизи места, где наблюдались костные фрагменты, то есть в левой височной области. Однако томографическое обследование, проведенное 22 мая 2000 г., выявило расположение костных осколков в области макушки. С учетом принципа судебной медицины, указывающего, что пуля, пробивающая костную ткань, вызывает рассеивание костных фрагментов в направлении ее траектории, входное отверстие пули должно было располагаться в теменной области. Отсюда следует, что пуля была выпущена сверху вниз.

118. Наконец, даже если пуля была выпущена снизу вверх, этого было бы недостаточно для обоснования утверждения о законной самообороне.

119. В итоге приходилось констатировать, что власти Румынии не доказали, что в настоящем деле применение смертоносной силы было абсолютно необходимым.

ii) Доводы властей Румынии

120. Власти Румынии полагали, что в настоящем деле применение силы соответствовало требованиям подпункта «а» пункта 2 статьи 2 Конвенции, т.е. положения, которое допускает применение силы, если оно абсолютно необходимо для законной защиты от противоправного насилия.

121. Законодательство Румынии, регулирующее порядок применения оружия, соответствует требованиям международного права, в частности, пункту 1 статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах и Принципам ООН применения силы (см. §§ 100 и 102 настоящего Постановления).

122. Согласно выводам уголовного расследования Л.Н.Д. вмешался для урегулирования конфликта между заявителем и его собственником и был вынужден отражать нападение заявителя, который ранил его ножом. Он произвел предупредительный выстрел, но потерял равновесие и упал,

вследствие чего пуля попала в голову первого заявителя. Таким образом, имело место не умышленное покушение на жизнь, а лишь отражение нападения, угрожавшего его физической неприкосновенности.

123. Кроме того, все критерии самозащиты, предусмотренные румынским законодательством, были достигнуты в деле, поскольку полицейский отражал прямое, непосредственное и несправедливое нападение с помощью необходимой и пропорциональной обороны.

124. Следует также отклонить доводы, выдвинутые заявителем о том, что он не был вооружен и не напал на полицейского. Действительно, быстрота событий воспрепятствовала изъятию ножа при условиях, обеспечивающих возможность дактилоскопической экспертизы. Перечисление в заключении Национального института судебной экспертизы от 21 октября 2000 г. предметов, способных причинить травмы полицейского, являлось обычной практикой при составлении технических документов судебно-медицинской экспертизы.

125. Что касается траектории пули, выпущенной полицейским, необходимо учесть медицинское заключение от 4 ноября 2005 г. По отношению к экспертизам, проведенным во время расследования, данное заключение содержало дополнительный довод в пользу гипотезы о том, что пуля была выпущена снизу вверх, довод, основанный на анализе расположения костных фрагментов. От входного отверстия эти фрагменты распространялись внутрь, тогда как от выходного отверстия наружу. Костные фрагменты, обнаруженные в височной области заявителя, внедрились в мозговое вещество, что позволяло заключить, что височное отверстие соответствовало входному отверстию пули.

Кроме того, томографическое обследование от 19 мая 2000 г. констатировало наличие некротической зоны вокруг ран левого виска, которое нельзя объяснить иначе как действием раскаленных газов, пламени и дыма, возникших при сгорании пороха в пистолете, использованном полицейским.

b) Мнение Европейского Суда

i) Общие принципы

126. Статья 2 Конвенции, гарантирующая право на жизнь и раскрывающая обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправданным, относится к числу наиболее фундаментальных положений Конвенции (Постановление Европейского Суда по делу «Великова про-

тив Болгарии» (Velikova v. Bulgaria), жалоба № 41488/98, § 68, CEDH 2000-VI), не допускающих каких бы то ни было отступлений (см. пункт 2 статьи 15 Конвенции). Совместно со статьей 3 Конвенции она воплощает одну из базовых ценностей демократических обществ, объединяемых в Совете Европы. Поэтому обстоятельства, при которых лишение жизни может быть оправданным, допускают лишь буквальное толкование (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (Salman v. Turkey), жалоба № 21986/93, § 97, CEDH 2000-VII). Объект и цель Конвенции как инструмента защиты отдельных лиц также требуют толкования и применения статьи 2 Конвенции таким образом, чтобы эти гарантии были практическими и эффективными (Постановление Европейского Суда по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства» (McCann and Others v. United Kingdom) от 27 сентября 1995 г. Série A, № 324, pp. 45–46, §§ 146–147).

127. Первое предложение пункта 1 статьи 2 Конвенции обязывает государство не только воздерживаться от умышленных и незаконных действий по лишению жизни, но также принимать целесообразные меры по защите жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией (Постановление Европейского Суда по делу «Килич против Турции» (Kılıç v. Turkey), жалоба № 22492/93, § 62, CEDH 2000-III). Это обязательство требует от государства обеспечивать право на жизнь за счет создания законодательных и административных условий для удержания от совершения преступлений против личности, которые подкреплены правоохранительной системой для предупреждения, пресечения и наказания за нарушение.

128. Как видно из текста самой статьи 2 Конвенции, применение летальной силы полицией может быть оправданным при определенных обстоятельствах. Однако статья 2 Конвенции не подразумевает бесконтрольность. Несоблюдение правил и допущение произвольных действий государственных представителей несовместимы с эффективным уважением прав человека. Это означает, что полицейские операции не только должны быть предусмотрены национальным законодательством, но также должны быть достаточно ограничены этим законодательством в рамках системы адекватных и эффективных гарантий против произвола и злоупотребления силой и даже несчастных случаев, которых можно избежать (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макарацис против Греции», § 58).

129. С учетом вышеизложенного и значимости статьи 2 Конвенции в демократическом

обществе Европейский Суд должен наиболее тщательно рассматривать предполагаемые нарушения этого положения, принимая во внимание не только действия государственных представителей, но и все сопутствующие обстоятельства, включая такие вопросы, как планирование и контроль рассматриваемых действий (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКанн и другие против Соединенного Королевства» от 27 сентября 1995 г., § 150). Что касается последнего пункта, Европейский Суд напоминает, что при исполнении обязанностей полицейские не должны находиться в состоянии неопределенности, в контексте подготовленной операции или спонтанного преследования лица, считающегося опасным: законодательная и административная база должна определять ограниченные обстоятельства, в которых уполномоченные лица правоохранительных органов могут применять силу и огнестрельное оружие, с учетом международных стандартов, разработанных в этой сфере (Постановление Европейского Суда по делу «Хамьет Каплан и другие против Турции» (*Hamiyet Kaplan and Others v. Turkey*) от 13 сентября 2005 г. жалоба № 36749/97, § 49).

130. Наконец, следует отметить, что в целом текст этого положения показывает, что пункт не определяет ситуации, в которых допускаются умышленные убийства, но указывает случаи возможного «применения силы», которые могут повлечь неумышленное причинение смерти. Использование выражения «абсолютно необходимое» позволяет предположить, что тест на наличие такой необходимости должен применяться более строго и настоятельно, чем это обычно делается при определении того, является ли вмешательство государства «необходимым в демократическом обществе» в силу пункта 2 статей 8–11 Конвенции. В частности, применение силы должно быть строго пропорциональным достижению целей, перечисленных в подпунктах «а», «b» и «с» пункта 2 статьи 2 Конвенции. В соответствии с этим принципом национальная законодательная база, регулирующая задержания, должна подчинять использование огнестрельного оружия тщательной оценке ситуации и особенно характера преступления, совершенного беглецом, и угрозы, которую он представляет (Постановление Европейского Суда¹ по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Natchova and Others*

v. Bulgaria), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 96, *CEDH* 2005-VII).

ii) Ситуация в настоящем деле

131. Прежде чем определить, было ли применение силы против заявителя оправданным с точки зрения пункта 2 статьи 2 Конвенции, Европейский Суд в первую очередь рассмотрит с точки зрения пункта 1 статьи 2 Конвенции вопрос о том, составляло ли законодательство Румынии о порядке применения огнестрельного оружия адекватную юридическую базу для правоприменительной практики.

а) Законодательная база
и правоприменительная практика

132. Европейский Суд принимает к сведению, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, применимое законодательство составляли Закон № 17/1996 об огнестрельном оружии и боеприпасах и Закон № 26/1994 об организации и деятельности полиции. Эти законы описывали ряд ситуаций, в которых полиция может использовать огнестрельное оружие в отсутствие ответственности за последствия этого. Применение оружия считалось законным, если оно было абсолютно необходимым, и использование иных средств сдерживания или иммобилизации не представлялось возможным (§ 92 настоящего Постановления). Однако из объяснений властей Румынии следует, что законодательство этой страны не содержит иных положений, регулирующих применение оружия в рамках полицейских операций, помимо требования о предупреждении, и не содержит рекомендаций относительно подготовки и контроля данных операций (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Хамьет Каплан и другие против Турции», § 54). Отсюда следует, что вышеуказанная нормативная база не представляется достаточной для надлежащего обеспечения уровня защиты права на жизнь «законом», требуемого в современных демократических обществах Европы.

133. Этот вывод о состоянии законодательства Румынии подкрепляется представленными Европейскому Суду доказательствами влияния законодательной и административной базы на проведение потенциально летальной полицейской операции, которая привела к выстрелу в заявителя.

134. Европейский Суд сознает, что данная операция не планировалась (см. противоположный пример в Постановлении Европейского Суда по делу «Рехбок против Словении» (*Rehbock v. Slovenia*), жалоба № 29462/95, §§ 71–72, *CEDH* 2000-XII, и упоминавшееся выше Постановление Европейского

¹ Европейским Судом вынесены два постановления по делу заявителей, в том числе Большой Палатой. Ранее в тексте настоящего Постановления упоминалось Постановление Большой Палаты по данному делу (*прим. переводчика*).

Суда по делу «Караджияннопулос против Греции», § 62), но являлась импровизированной и могла повлечь неожиданное развитие событий, на которое полиция была вынуждена реагировать без подготовки. Принимая во внимание сложности полицейской охраны общественного порядка в современных обществах, непредсказуемость человеческого поведения и оперативные решения, которые должны приниматься с учетом приоритетов и ресурсов, позитивное обязательство по статье 2 Конвенции должно толковаться способом, не возлагающим чрезмерное бремя на власти (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Махмут Кая против Турции» (*Mahmut Kaya v. Turkey*), жалоба № 22535/93, § 86, *CEDH* 2000-III). Однако спонтанная реакция полиции должна быть совместимой с правилами полицейского вмешательства.

135. Признавая, что полицейские, причастные к делу, не имели достаточно времени для оценки всех элементов и надлежащей организации своих действий, Европейский Суд полагает, что ситуация в значительной степени объяснялась тем, что полицейские операции не имели адекватной структуры, которую должны были обеспечить национальное законодательство и практика. Отсутствие ясных правил может объяснять, почему только один полицейский пытался задержать первого заявителя и его брата, которые, по данным полиции, были вооружены ножами, тогда как двое других пытались задержать лицо, которое, убегая, звало на помощь и по внешним признакам не имело оружия. Это также объясняет реакцию полицейского, который предположительно пытался произвести предупредительный выстрел после попытки остановить первого заявителя, хотя, по утверждению этого полицейского, он был вооружен ножом. Таким образом, данный полицейский мог действовать автономно и предпринимать необдуманные инициативы, чего, по-видимому, не случилось бы, если бы он получил адекватную подготовку и инструкции (см., с необходимыми изменениями, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Макарацис против Греции», § 70).

136. Европейский Суд также отмечает, что уголовное расследование по данному делу не содержит сведений о совместимости поведения Л.Н.Д. с применимыми нормами или практикой в этой сфере. Кроме того, власти Румынии не сообщали о дисциплинарном разбирательстве против причастных полицейских.

137. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что в части позитивного обязательства о создании законодательной базы и административной системы, возложенного в соответ-

ствии с первым предложением пункта 1 статьи 2 Конвенции, власти Румынии в тот период не сделали всего, что можно было бы от них разумно ожидать, для обеспечения гражданам требуемого уровня защиты, особенно в делах наподобие настоящего о применении потенциально летальной силы, затрагивающих реальную и непосредственную угрозу для жизни, с которыми связаны полицейские операции, по крайней мере, в исключительных случаях.

β) Ответственность государственных представителей, необходимость и пропорциональность применения силы в настоящем деле

138. Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что ему представлены противоречивые версии фактов, и они тесно связаны с ответственностью государства за происшествие, которое едва не стоило жизни заявителю. Однако он напоминает, что в целом он не связан выводами национальных судов и сохраняет свободу собственной оценки с учетом всех представленных ему материалов (Постановление Европейского Суда по делу «Ямбор против Румынии» (*Iambor v. Romania*) (№ 1) от 24 июня 2008 г., жалоба № 64536/01, § 166).

139. При оценке доказательств Европейский Суд применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений». Однако такое доказывание может вытекать из совокупности доказательств или непровергнутых презумпций, достаточно прочных, ясных и согласующихся. Если рассматриваемые события в целом или в большей степени относятся к сфере исключительной компетенции властей, как в случае с лицами, находящимися под контролем властей под стражей или во время полицейской операции, возникают обоснованные презумпции фактов в отношении травм или гибели, имевших место в этот период. Действительно, можно считать, что на властях лежит бремя доказывания с целью представить достаточное и убедительное объяснение того, что произошло, и представить веские доказательства, которые могут опровергнуть утверждения заявителей (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции», § 100, Постановление Европейского Суда по делу «Мансуролу против Турции» (*Mansuroğlu v. Turkey*) от 26 февраля 2008 г., жалоба № 43443/98, § 78).

140. Отсюда следует, что в случае претензий по поводу применения его представителями потенциально летальной силы при обстоятельствах, находящихся под их контролем, в нарушение

ние пункта 2 статьи 2 Конвенции, государство-ответчик должно установить, что данная сила не вышла за пределы «абсолютно необходимой» для достижения какой-либо цели, предусмотренной этим положением.

141. В настоящем деле первый заявитель принципиально утверждал, что он не был вооружен, и полицейский ударил его, перед тем как выстрелить с близкого расстояния. Два других заявителя, которые в то время его не знали и которые являлись очевидцами данного происшествия, подтвердили его объяснения. При данных обстоятельствах дела Европейский Суд полагает, что заявитель сделал все возможное для обоснования своей жалобы. Он не был обязан и не имел возможности представить более веские доказательства, которые находятся в распоряжении властей Румынии (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мансуролу против Турции», § 84). Таким образом, именно власти Румынии должны были представить убедительное объяснение происхождения травм заявителя, причиненных выстрелом, сделанным с близкого расстояния.

142. Власти Румынии утверждали, что заявитель был поражен пулей в голову в связи с падением стрелявшего, который был намерен произвести предупредительный выстрел. Они объясняли это тем, что он стремился отразить нападение лица, ранившего его ножом, и, таким образом, находился в состоянии самообороны. В этом отношении власти Румынии ссылались на выводы прокурора, который вынес решение о прекращении дела (§ 81 настоящего Постановления).

143. Европейский Суд полагает, что довод властей Румынии, по-видимому, соответствует ситуациям, предусмотренным подпунктами «а» и «b» пункта 2 статьи 2 Конвенции.

144. Что касается последовательности событий, Европейский Суд учитывает, что, как утверждали власти Румынии, заявитель был ранен в голову вследствие падения стрелявшего, который намеревался произвести предупредительный выстрел. Однако этот довод, который предполагает недобровольные действия со стороны стрелявшего, едва ли согласуется с выводом, сделанным прокуратурой в ее решении от 23 июля 2003 г., о том, что полицейский действовал в порядке самозащиты, что предполагает сознательные действия по отражению нападения.

145. Европейский Суд также отмечает, что довод о том, что заявитель и его брат были вооружены ножами и что заявитель напал на Л.Н.Д., основан на рапортах полицейских, причастных к произошедшим событиям, и прокуратура приняла его без оговорок. Этот довод также основан

на объяснениях бывшего собственника заявителя, хотя властям было известно о конфликте между этими лицами, а также на показаниях охранника больницы «Каритас», который не был очевидцем происшествия и только повторял то, что ему сообщили о нем. При этом прокурор не пояснил, почему он исключил показания двух других свидетелей, которые непосредственно наблюдали, как разворачивались события. Это тем более удивительно, что вторая заявительница утверждала, что пыталась остановить Л.Н.Д. и что на его одежде отсутствовали следы крови. Европейский Суд поражен тем фактом, что противоречия в этих объяснениях не были тщательно рассмотрены прокурором (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии», § 69).

146. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что власти не нашли нужным проверить происхождение единственного ножа, найденного в полицейском автомобиле, в то время как судебный медик не высказался по поводу возможности самотравмирования полицейского или характера острого предмета, предположительно использованного заявителем. Суд не может не отметить отсутствие профессионализма, проявленное полицейскими в этом отношении, изъевшими нож, предположительно использованный заявителем, при ненадлежащих условиях (без подробного описания ножа, указания времени его обнаружения и опечатывания), что сделало бесполезной экспертизу отпечатков пальцев, тогда как они были обязаны принять все необходимые меры для обеспечения сбора доказательств (см. Постановление Европейского Суда по делу «Целнику против Греции» (*Celniku v. Greece*) от 5 июля 2007 г., жалоба № 21449/04, §§ 66–67). Кроме того, Европейский Суд учитывает, что довод о бесполезности дактилоскопической экспертизы впервые выдвинут в меморандуме властей Румынии. Согласно материалам, представленным Европейскому Суду, ни один государственный орган не высказывался по этому поводу во время расследования.

147. При таких обстоятельствах нельзя утверждать, что власти расследовали вопрос о том, был ли заявитель вооружен ножом, и действительно ли он ударил Л.Н.Д. Недостаточность фактов и доказательств не позволяет Европейскому Суду дать оценку обстоятельств дела на основании выводов властей государства-ответчика. Соответственно, вышеизложенные недостатки, за которые несут ответственность следственные органы, вынуждают Европейский Суд отклонить довод властей Румынии о том, что травма была причинена заявителю в ответ на то, что он ударил полицейского

ножом, что якобы составляло самозащиту. Иной вывод означал бы, что власти могут извлекать выгоду из собственных упущений, и позволял бы избежать ответственности виновным в опасных для жизни действиях.

148. Европейский Суд отмечает иные недостатки и противоречия в расследовании, проведенном властями. Что касается доказательств в отношении траектории пули, выпущенной Л.Н.Д., Европейский Суд учитывает, что заключение экспертизы, составленное 28 февраля 2001 г. судебным медиком А.Р., противоречило его выводам (см. § 67 настоящего Постановления). Между тем именно на этом заключении было основано первое решение о прекращении дела от 24 июля 2001 г. Только 15 мая 2002 г., более чем через год, это противоречие было устранено контрольной комиссией Национального института судебной экспертизы. Европейский Суд также отмечает, что Л.Н.Д. был допрошен прокурором 11 июля 2001 г., через год и два месяца после начала расследования.

149. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что главный прокурор военной прокуратуры при Бухарестском военном суде отменил указанное первое решение 10 декабря 2001 г. по мотивам неполноты и необходимости проведения расследования прокуратурой, он также перечислил следственные меры, которые необходимо принять. Однако из материалов дела, представленных властями Румынии, не следует, что военный прокурор, с одной стороны, и гражданский прокурор, с другой стороны, приняли дополнительные следственные меры, необходимые для завершения расследования (§§ 75–81 настоящего Постановления). Они ограничились обращением в контрольную комиссию Национального института судебной экспертизы и повторно допросили Л.Н.Д., после чего гражданский прокурор вынес новое решение о прекращении дела 23 июля 2003 г. Европейский Суд находит особенно удивительным, что военный и гражданские прокуроры проигнорировали указания главного прокурора военной прокуратуры (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Барбу Ангелеску против Румынии» (*Barbu Anghelescu v. Romania*) от 5 октября 2004 г., жалоба № 46430/99, §§ 68–69).

150. С учетом вышеизложенного Европейский Суд заключает, что в отсутствие доказательств того, что потенциально летальная сила, примененная к первому заявителю, не вышла за рамки «абсолютно необходимой», являлась строго «пропорциональной» и преследовала цели, допускаемые пунктом 2 статьи 2 Конвенции, ответственность в настоящем деле возлагается на государство.

Соответственно, имело место нарушение этого положения в материально-правовом аспекте.

2. Предполагаемая неадекватность расследования

а) Доводы сторон

i) Доводы заявителя

151. Заявитель ссылаясь на отсутствие эффективного, тщательного и беспристрастного расследования происшествия, которое едва не стоило ему жизни.

152. Он утверждал, что расследование не осуществлялось с надлежащей оперативностью, так как после получения первоначальных доказательств относительно происшествия 19 мая 2000 г. власти в течение длительного срока не принимали каких-либо следственных действий. Так, свидетели были допрошены военным прокурором в порядке, предусмотренном законом, только через 19 месяцев после начала расследования, а судебно-медицинская экспертиза была назначена более чем год спустя. Кроме того, прокурор направил в Национальный институт судебной экспертизы оригинал дела, что приостановило расследование больше чем на несколько месяцев. Прокуратура также неоправданно затянула оплату экспертизы Национального института судебной экспертизы.

153. Кроме того, военные прокуроры, осуществлявшие расследование, не отличались беспристрастностью. Они пытались оказывать влияние на свидетелей во время их первоначальных показаний. Они также не исполнили обязанность непосредственного сбора доказательств, так как свидетелей допрашивали коллеги причастных к делу полицейских. Три лица, доставленных в качестве свидетелей, были задержаны в отделе полиции до утра, тогда как троим причастным полицейским было только предложено подать рапорты, и они были допрошены лишь несколько месяцев спустя.

154. Кроме того, военные прокуроры не обладали объективной беспристрастностью по отношению к полиции, поскольку оба органа являются активными военными частями иерархической структуры, на что уже указывалось в Постановлении Европейского Суда по делу «Бурсук против Румынии» (*Bursuc v. Romania*) от 12 октября 2004 г., жалоба № 42066/98.

155. Расследование имело поверхностный характер. Прокурор не произвел всех действий, указанных в решении от 10 декабря 2001 г., обязавшем возобновить расследование, и прокуроры не реагировали на это упущение. Прокурор ограничился обращением в контрольную комиссию Национального института судебной экспертизы и допросом Л.Н.Д.

156. Наконец, он просил учесть странности расследования, упомянутые в контексте материально-правового аспекта статьи 2 Конвенции (атипичные выводы судебно-медицинских экспертиз о траектории пули, неопределенность относительно характера предмета, предположительно использованного заявителем – ножа или бритвы, уклонение от выяснения происхождения ножа, см. §§ 114 и последующие, содержащие дополнительную информацию). Кроме того, нож не был изъят в порядке, предусмотренном законом, протокол, составленный при осмотре места происшествия, не содержал точного описания ножа, и в нем не указывалось время его обнаружения. Наконец, изъятие ножа производилось с нарушением правил упаковки и опечатывания предметов, требующих консервации.

157. Заявитель заключил, что в деле о применении государственным служащим потенциально летальной силы не должно допускаться расследование с процессуальными нарушениями и противоречиями.

ii) Доводы властей Румынии

158. Власти Румынии оспорили доводы заявителя. Они полагали, что территориальная военная прокуратура, а затем гражданские прокуроры провели эффективное и объективное расследование по настоящему делу. Что касается эффективности расследования, они указывали, что все относимые средства доказывания: свидетельские показания, осмотр места происшествия, получение образцов, баллистическая и судебно-медицинские экспертизы, рапорты и показания причастных сотрудников полиции, – были использованы для установления всех обстоятельств дела.

159. Что касается объективности расследования, власти Румынии подчеркивали, что военные прокуроры и полицейские являлись действующими сотрудниками в период, относящийся к обстоятельствам дела, но принадлежали к различным структурам, военные прокуроры подчинялись Министерству юстиции, а полицейские – Министерству внутренних дел. Кроме того, полицейские из комиссариата, обеспечивавшего сбор первых свидетельских показаний вечером в день происшествия, в задачу которых входило содействие получению показаний свидетелей, не принимали активного участия в расследовании. Они не вмешивались в его проведение и не производили процессуальных действий. Кроме того, их присутствие в следственных помещениях было санкционировано решением об отмене первого решения о прекращении дела от 24 июля 2001 г., которое было вынесено именно потому, что сви-

детели не были допрошены непосредственно военным прокурором. Наконец, расследование было окончено гражданским прокурором после изменения правового статуса полицейских.

b) Мнение Европейского Суда

i) Общие принципы

160. Европейский Суд напоминает, что обязательство по защите права на жизнь, предусмотренное статьей 2 Конвенции, во взаимосвязи с установленной статьей 1 Конвенции общей обязанностью государства «обеспечивать каждому, находящемуся под [его] юрисдикцией, права и свободы, определенные в... настоящей Конвенции», предполагает также существование некой формы официального расследования случая гибели лица в результате применения силы (см., с необходимыми изменениями, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКанн против Соединенного Королевства», § 161, Постановление Европейского Суда по делу «Кая против Турции» (*Kaya v. Turkey*) от 19 февраля 1998 г., § 105, *Recueil* 1998-I). Такое расследование должно проводиться в каждом деле, где имеются человеческие жертвы вследствие применения силы, предполагаемыми виновниками являются представители государства или третьи лица (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Тахсин Аджар против Турции» (*Tahsin Acar v. Turkey*), жалоба № 26307/95, § 220, *CEDH* 2004-III). Расследование должно быть особенно тщательным, беспристрастным и внимательным (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакичи против Турции» (*Çakıcı v Turkey*), жалоба № 23657/94, § 86, *CEDH* 1999-IV).

161. Каковы бы ни были особенности следствия, власти должны действовать по своей инициативе, как только происшествие доведено до их сведения. Они не вправе относить на усмотрение ближайших родственников подачу формальной жалобы или осуществление любых следственных действий (см., например, *mutatis mutandis*, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ильхан против Турции» (*İlhan v. Turkey*), жалоба № 22277/93, § 63, *CEDH* 2000-VII, и Постановление Европейского Суда по делу «Финукейн против Соединенного Королевства» (*Finucane v. United Kingdom*), жалоба № 29178/95, § 67, *CEDH* 2003-VIII).

162. Расследование также должно быть эффективным в том смысле, что оно должно быть способно привести к установлению и наказанию виновных (Постановление Большой Палаты

Европейского Суда по делу «Рамсахай и другие против Нидерландов» (*Ramsahai and Others v. Netherlands*), жалоба № 52391/99, § 324, *CEDH* 2007-VI). Это не обязательство результата, но обязательство принятия мер. Власти должны предпринять разумные шаги, доступные им, для обеспечения доказательств, касающихся происшествия (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрикулу против Турции» (*Tanrikulu v. Turkey*), жалоба № 23763/94, §§ 101–110, *CEDH* 1999-IV, § 109, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Салман против Турции» (*Salman v. Turkey*), жалоба № 21986/93, § 106, *CEDH* 2000-VII).

163. Характер и пределы рассмотрения, отвечающие минимальному критерию эффективности расследования, зависят от обстоятельств дела. Они оцениваются на основании всех относимых фактов и с учетом практических реалий следственной работы. Не представляется возможным свести разнообразие ситуаций, которые могут случиться, к простому перечню следственных действий и иным упрощенным критериям (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Танрикулу против Турции», упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кая против Турции», §§ 89–91, Постановление Европейского Суда по делу «Гюлеч против Турции» (*Güleç v. Turkey*) от 27 июля 1998 г., *Recueil* 1998-IV, pp. 1732–1733, §§ 79–81, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Великова против Болгарии», § 80).

164. Контекст эффективного расследования по смыслу статьи 2 Конвенции подразумевает требование о безотлагательности и разумной оперативности. Даже при наличии препятствий или сложностей, которые мешают продвижению расследования в конкретной ситуации, безотлагательная реакция властей имеет принципиальное значение для поддержания общественного доверия их приверженности верховенству закона и исключения любых признаков сговора или терпимости к незаконным действиям (Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства» (*McKerr v. United Kingdom*), жалоба № 28883/95, § 114, *CEDH* 2001-III).

165. По тем же причинам общественность должна быть в достаточной степени информирована о результатах расследования, чтобы вопрос об ответственности мог быть затронут теоретически и практически. Степень общественного контроля может изменяться в зависимости от ситуации. Однако в любом случае родственники потерпевшего должны участвовать в разбирательстве в степени, необходимой для защиты их законных

интересов (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Гюлеч против Турции», § 82, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства», § 148).

166. Европейский Суд полагает, что эти принципы применимы к настоящему делу, поскольку примененная к заявителю сила поставила его жизнь под угрозу.

ii) Ситуация в настоящем деле

167. Европейский Суд отмечает, что в настоящем деле расследование имело место. Прокурор при территориальном военном суде Бухареста принял дело и расследовал утверждение о том, что Л.Н.Д. выстрелил в заявителя, и обвинение последнего в оскорблении. Правила подследственности были изменены, и расследование продолжила гражданская прокуратура. Она вынесла решение о прекращении дела на том основании, что Л.Н.Д. действовал в состоянии законной самообороны. Европейский Суд должен оценить «эффективность» расследования и тщательность его проведения.

168. Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы расследование фактов убийства или жестокого обращения со стороны государственных представителей было эффективным, необходимо, чтобы ответственные за проведение расследования были независимы от лиц, причастных к происшествию (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Гюлеч против Турции» (*Güleç v. Turkey*) 27 июля 1998 г., §§ 81–82, *Recueil* 1998-IV, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Оур против Турции» (*Öğür v. Turke*), жалоба № 21954/93, §§ 91–92, *CEDH* 1999-III). Это подразумевает не только отсутствие иерархической или институциональной связи, но и практическую независимость (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Эргы против Турции» (*Ergi v. Turkey*) от 28 июля 1998 г., §§ 83–84, *Recueil* 1998-IV, и Постановление Европейского Суда по делу «Келли и другие против Соединенного Королевства» (*Kelly and Others v. United Kingdom*) от 4 мая 2001 г., жалоба № 30054/96, § 114).

169. Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что независимость военных прокуроров, проводивших расследование, с учетом национального законодательства, действовавшего в период, относящийся к обстоятельствам дела, является сомнительной. Действительно, он уже устанавливал нарушение статьи 3 Конвенции в связи с отсутствием независимости военных прокуроров, осуществлявших уголовное расследование утверждений

о злоупотреблении полномочиями сотрудников полиции (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Барбу Ангелеску против Румынии», § 67, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Бурсук против Румынии», § 107). Он установил, что в период, относящийся к обстоятельствам дела, они являлись действующими военнослужащими, как и военные прокуроры, поскольку имели военные звания, льготы, связанные с исполнением обязанностей, они могли быть привлечены к ответственности за нарушение военной дисциплины, и они составляли часть военной структуры, основанной на принципе иерархического подчинения (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Барбу Ангелеску против Румынии», §§ 40–43). Европейский Суд напоминает свои прежние выводы и не усматривает оснований для отхода от них в настоящем деле (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Мелинте против Румынии» (*Melinte v. Romania*) от 9 ноября 2006 г., жалоба № 43247/02, § 27).

170. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что, хотя 13 июня 2003 г. дело было передано в прокуратуру при окружном суде г. Бухареста, последняя ограничилась допросом причастного сотрудника полиции и прекратила дело месяц спустя, 23 июля 2003 г. Вмешательство этой прокуратуры, по мнению Европейского Суда, являлось недостаточным для уравновешивания отсутствия независимости военной прокуратуры, собравшей большую часть доказательств на ранней стадии расследования, которые имеют особое значение (см., с необходимыми изменениями, Постановление Европейского Суда по делу «Велча и Мазэре против Румынии» (*Velcea and Mazăre v. Romania*) от 1 декабря 2009 г., жалоба № 64301/01, § 112).

171. Европейский Суд также отмечает, что отсутствие независимости военных прокуроров, вытекавшее из наличия этой связи институционального характера, конкретно проявилось в настоящем деле в связи с отсутствием беспристрастности при проведении расследования действий Л.Н.Д.

172. Европейский Суд учитывает, что вместо допроса полицейских, причастных к происшествию 19 мая 2000 г., прокурор, осуществлявший расследование, ограничился предложением представить письменные объяснения относительно оспариваемых фактов. Не отрицая полезность таких объяснений, Европейский Суд полагает, что они не могут заменить устные объяснения сторон в рамках уголовного расследования. В этом отношении Европейский Суд отмечает, что из представленных ему материалов уголовного дела следует, что Л.Н.Д. был заслушан прокурором 11 июля

2001 г., то есть через год и два месяца после начала расследования (см., *a contrario*, относительно трехлетнего срока, признанного Европейским Судом разумным, в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Келли и другие против Соединенного Королевства», § 113).

173. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что проведение расследования было явно затянуто. Так, судебно-медицинская экспертиза заявителя была назначена прокурором только 26 сентября 2000 г., более чем через четыре месяца после начала расследования. Данная экспертиза была проведена еще через пять месяцев, 28 февраля 2001 г., контрольная комиссия утвердила ее 15 мая 2002 г., примерно год и три месяца спустя, несмотря на очевидные противоречия между объяснениями и заключениями экспертизы. Следует также учесть, что следствие предоставило Национальному институту судебной экспертизы оригиналы материалов дела, что вызвало задержку расследования в несколько месяцев.

174. Наконец, что касается доступа заявителей к информации о ходе следствия, Европейский Суд напоминает, что раскрытие или публикация полицейских документов и данных расследования могут вызывать серьезные проблемы и иметь негативные последствия для отдельных лиц и иных проводимых расследований. Следовательно, не может считаться автоматическим требование статьи 2 Конвенции о предоставлении родственникам жертвы преступления доступа к материалам расследования на всем его протяжении. Доступ к этой информации может быть предоставлен общественности или родственникам потерпевшего на иных стадиях уголовного процесса (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «МакКерр против Соединенного Королевства», § 129). Европейский Суд также полагает, что статья 2 Конвенции не обязывает следственные органы удовлетворять любое ходатайство о следственных действиях, которое может быть подано родственником потерпевшего в период расследования (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Рамсахай и другие против Нидерландов», § 348).

175. В настоящем деле Европейский Суд учитывает, что заявитель не был ознакомлен с решением о прекращении дела от 24 июля 2001 г. Прокуратура удосужилась сообщить только резолютивную часть решения письмом, которое к тому же не было доставлено адресату (§ 71 настоящего Постановления). Требование о предоставлении полного текста соответствующего решения, предъявленное заявителем 10 октября 2001 г., осталось без ответа. Адвокат заявителя, подавший

аналогичное ходатайство, также получил отказ и был ознакомлен с решением только 7 марта 2002 г. вместе со всеми материалами дела. Несообщение мотивов решения о прекращении дела само по себе может умалять общественное доверие, создает риск лишения потерпевших и членов их семей доступа к информации по существенному для них вопросу и ограничивает возможности эффективного обжалования этого решения (см. также упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Велча и Мазэре против Румынии» от 1 декабря 2009 г., § 114). Таким образом, общественный контроль и доступ родственников к расследованию, которые носят императивный характер, в настоящем деле отсутствовали.

176. Европейский Суд полагает, что вышеизложенные элементы являются достаточными, чтобы сделать вывод о том, что разбирательство, связанное с происшествием 19 мая 2000 г., не могло считаться безотлагательным и эффективным. Следовательно, власти Румынии не исполнили свое процессуальное обязательство в соответствии со статьей 2 Конвенции. Соответственно, и в этом отношении имело место нарушение данного положения.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

177. Первый заявитель утверждал, что серьезные травмы, полученные им при задержании полицейским, который бил его по голове и лицу, ударял им о стену больницы и выстрелил в него, должны были квалифицироваться как пытка. Кроме того, воспроизводя доводы, выдвинутые с точки зрения положений статьи 2 Конвенции, он указывал, что эти утверждения не были предметом оперативного, беспристрастного и эффективного расследования. Он ссылаясь на статью 3 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

178. Власти Румынии полагали, что заявитель не представил доказательств, подтверждающих его утверждения о пытке. Если лицо получило травмы, на которые ссылается, у него должны быть глубокие следы, которые врачи могли бы видеть и зафиксировать. Однако карточка приема пациентов от 19 мая 2000 г. и томографические обследования не содержат указаний на этот счет. Что касается выстрела, власти Румынии утверждали, что полицейский стрелял в состоянии законной самообороны в отсутствие намерения совершить в отношении заявителя действия, противореча-

щие статье 3 Конвенции. Что касается процессуального аспекта жалобы, власти Румынии указывали, что расследование данных событий также учитывало утверждения о жестоком обращении, составляющем один из признаков убийства. Со ссылкой на доводы, выдвинутые с точки зрения статьи 2 Конвенции, они заключили, что данное расследование являлось эффективным.

179. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба связана с рассмотренной выше с точки зрения статьи 2 Конвенции и, таким образом, должна быть объявлена приемлемой.

180. Однако с учетом выводов о нарушении статьи 2 Конвенции (см. §§ 150 и 176 настоящего Постановления) Европейский Суд не находит необходимым рассматривать жалобу с точки зрения статьи 3 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТА 1 СТАТЬИ 6 И СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЯМИ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

181. Заявитель утверждал, что отсутствие эффективного расследования огнестрельного ранения, причиненного ему, и утверждений о жестоком обращении, с которыми он выступал, не позволило ему обратиться в суд с требованием о компенсации. Он ссылаясь в этом отношении на пункт 1 статьи 6 Конвенции, который в соответствующей части предусматривает:

«Каждый в случае спора о его гражданских правах и обязанностях... имеет право на справедливое... разбирательство дела... судом (...)».

Он также ссылаясь на статью 13 Конвенции, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

182. Европейский Суд считает необходимым рассматривать жалобы на отсутствие, недостаточность или неэффективность компенсационной процедуры по смыслу статьи 13 Конвенции, гарантии которой шире, чем гарантии статьи 6 Конвенции, в случае предполагаемых нарушений статей 2 и 3 Конвенции (см., что касается статьи 2 Конвенции, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кая против Турции», § 105, и, что касается статьи 3 Конвенции, Постановление Европейского Суда по делу «Айдын против Турции» (*Aydın v. Turkey*) от 25 сентября 1997 г., § 102, *Recueil* 1997-VI, и упоминавшееся

выше¹ Постановление Европейского Суда по делу «Эгмез против Кипра», § 102).

183. Соответственно, Европейский Суд рассматривает жалобу заявителя с точки зрения статьи 13 Конвенции.

А. ДОВОДЫ СТОРОН

184. Власти Румынии утверждали, во-первых, что они провели углубленное, эффективное и независимое расследование утверждений о покушении на убийство и жестоком обращении, с которыми выступало заинтересованное лицо, и что причастный с событиями сотрудник полиции был освобожден от уголовной ответственности, поскольку действовал в порядке самообороны.

185. Утверждая, что прекращение преследования не имело преюдициального значения в гражданских делах, власти Румынии указали, что постановление прокуратуры от 23 июля 2003 г. о прекращении дела не препятствовало заявителю обратиться в суд по гражданским делам с требованием о предоставлении компенсации за посягательство на жизнь и жестокое обращение на основании статей 998–999 и § 3 статьи 1000 Гражданского кодекса Румынии. Они добавили, что судебные издержки, связанные с таким иском, не являлись ограничением доступа к суду, учитывая возможность уменьшения, освобождения, отсрочки или рассрочки на основании закона № 146/1997. В этом отношении они ссылались на доклад, согласно которому Министерство финансов Румынии приняло положительное решение по 1023 из 1565 заявлений о предоставлении льгот в отношении судебных издержек, поданных в 2000–2002 годах, дополнительно указав, что правительственный ордонанс № 149/2003 наделял суды правом самостоятельно предоставлять такие льготы. Наконец, они указали, что заявитель мог подать иск о компенсации вреда на основании правительственного ордонанса № 137/2000 о предупреждении и наказании всех форм дискриминации, освобожденный от судебных издержек. Власти государства-ответчика утверждали, что сомнения заинтересованного лица в эффективности этих средств правовой защиты не могли в любом случае освободить его от обязанности исчерпания.

186. Заявитель утверждал, что он мог стать гражданским истцом в рамках уголовного дела лишь при условии принятия прокурором решения об осуществлении преследования. Он утверж-

дал, что решение о прекращении дела лишило его права на доступ к компетентному суду для рассмотрения требования о компенсации вреда, вызванного преступными действиями.

Иск о возмещении вреда на основании статей 998–999 Гражданского кодекса Румынии или иск, основанный на форме дискриминации, запрещенной правительственным ордонансом № 137/2000, которые он мог предъявить, не имели перспектив из-за поверхностности, неэффективности и отсутствия беспристрастности при расследовании уголовного дела. Кроме того, предъявление иска, основанного на деликтных нормах, повлекло бы необходимость уплаты высокой судебной пошлины. Невозможность удовлетворения этого условия по причине бедности сама по себе составляла препятствие для обращения в суды по гражданским делам. Кроме того, возможность получения льгот по уплате была теоретической, потому что меры по исполнению соответствующих положений в данном деле не были приняты. Кроме того, освобождение от уплаты судебной пошлины было единственным приемлемым для заявителя решением из перечисленных властями Румынии. Однако из доклада, представленного последними, было ясно, что лишь 39,8% заявлений об освобождении от уплаты удовлетворяются Министерством финансов Румынии. Также следует отметить, что власти государства-ответчика не представили ни одного решения министерства, удовлетворившего заявление об освобождении от уплаты пошлины по делу против государства.

187. Наконец, необходимо отметить отсутствие доступа к расследованию, проводившемуся по делу, и бездействие властей в отношении жестокого обращения до выстрела.

В. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Приемлемость жалобы

188. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

189. Европейский Суд напоминает, что статья 13 Конвенции гарантирует наличие в национальном законодательстве средства правовой защиты, обеспечивающего соблюдение сущности конвенционных прав и свобод, независимо от того, в какой форме они могут обеспечиваться. Это положение требует наличия внутренних средств право-

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Эгмез против Кипра» (Egmez v. Cyprus) от 21 декабря 2000 г., жалоба № 30873/96 в тексте настоящего Постановления упоминается впервые (прим. переводчика).

вой защиты для рассмотрения компетентным национальным органом по существу «доказуемой жалобы» в соответствии с Конвенцией и предоставления соответствующего возмещения, хотя государства-участники наделены определенной свободой усмотрения при определении способа реализации конвенционных обязательств, предусмотренных названной статьей.

190. Объем обязательств по статье 13 Конвенции различен в зависимости от характера жалобы заявителя в соответствии с Конвенцией. Тем не менее средство правовой защиты, предусмотренное статьей 13 Конвенции, должно быть «эффективным» как практически, так и на законодательном уровне, в частности, в том смысле, что его реализации не должны необоснованно препятствовать действия или бездействие властей государства-ответчика (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Айдын против Турции», § 103, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии», § 80).

191. Соответственно, принимая во внимание фундаментальное значение прав, гарантированных статьями 2 и 3 Конвенции, статья 13 Конвенции требует, когда оспариваются обстоятельства смерти или потенциально летального насилия, проведения тщательного и эффективного расследования, способного привести к установлению и наказанию виновных лиц, включая эффективный доступ заявителя к расследованию, в дополнение к выплате компенсации в необходимых случаях (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кая против Турции», § 107, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии», § 82).

192. Европейский Суд напоминает, что установил нарушение статьи 2 Конвенции в материально-правовом и процессуальном аспектах (§§ 150 и 176 настоящего Постановления). При таких обстоятельствах он должен рассмотреть вопрос о том, мог ли иск в порядке гражданского судопроизводства о возмещении вреда, предъявленный заявителем к лицу, применившему насилие, являться эффективным средством правовой защиты для целей статьи 13 Конвенции.

193. В этом отношении Европейский Суд напоминает, что он ранее рассматривал жалобы на причинение смерти и жестокое обращение, выдвинутые против представителей румынского государства, и постановил, что, хотя суды по гражданским делам формально не были связаны фактическими выводами органов преследования, значимость уголовного расследования, предшествующего обращению в суд по гражданским делам, настоль-

ко велика, что любой самостоятельный иск в порядке гражданского судопроизводства, включая иск о компенсации, будет иллюзорным и теоретическим, поскольку на практике даже наиболее убедительные доказательства будут отклонены (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии», § 83, упоминавшееся выше¹ Постановление Европейского Суда по делу «Рупа против Румынии», § 190, и более позднее упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Карабуля против Румынии», § 166).

194. В настоящем деле Европейский Суд приходит к выводу о том, что власти Румынии не представили доказательств, которые привели бы его к иному выводу. Отсутствует решение суда по гражданским делам, опровергающее выводы прокуратуры о прекращении дела в части действительности фактов, вменяемых сотруднику полиции.

195. Учитывая вышеизложенное и обстоятельства настоящего дела, Европейский Суд приходит к выводу о том, что гражданско-правовые средства правовой защиты, на которые ссылались власти Румынии, не были эффективными, как того требует статья 13 Конвенции.

196. Этого достаточно для Европейского Суда, чтобы прийти к выводу о нарушении данного положения во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции. Кроме того, учитывая это, он не считает необходимым также рассматривать вопрос соблюдения статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 14 ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЯМИ 2 И 3 КОНВЕНЦИИ

197. Заявитель утверждал, что является жертвой нарушения статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 2 и 3 Конвенции, указывая, что угроза его жизни, жестокое обращение и неэффективность расследования были следствием дискриминационного отношения к лицам цыганского происхождения со стороны властей. Статья 14 Конвенции предусматривает:

«Пользование правами и свободами, признанными в (...) Конвенции, должно быть обеспечено без какой бы то ни было дискриминации по признаку пола, расы, цвета кожи, языка, религии, политических или

¹ Постановление Европейского Суда по делу «Рупа против Румынии» (Rupa c. Roumanie) в тексте настоящего Постановления упоминается впервые. В разное время Европейским Судом вынесено два постановления по делам заявителя, имеющим разные номера, но, судя по номеру упомянутого параграфа, имеется в виду Постановление от 16 декабря 2000 г. по жалобе № 58478/00 (прим. переводчика).

иных убеждений, национального или социального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам, имущественного положения, рождения или по любым иным признакам».

А. ДОВОДЫ СТОРОН

198. Заявитель утверждал, что принадлежность к цыганской этнической группе и дискриминационное отношение властей – полиции и прокуратуры – к цыганам сыграли свою роль в нарушении его прав, предусмотренных статьями 2 и 3 Конвенции. Он отмечал, что прокурор указал в протоколе осмотра места происшествия, проведенного 19 мая 2000 г., что стрелявший полицейский «утверждал, что на него напал цыган». Кроме того, способ предоставления полицией информации для прессы по этому вопросу являлся дискриминационным. Ряд дел, включая это, в отношении цыган использовались с целью внушения обществу представления о том, что цыгане ведут себя агрессивно. Румынские власти также нарушили свою обязанность принять все возможные меры для установления того, сыграло ли роль в происшествии дискриминационное поведение (упомянувшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии»).

199. Власти Румынии утверждали, что какое-либо различие в обращении в нарушение статьи 14 Конвенции не могло иметь место в данном деле. Стрелявший в заявителя полицейский не делал каких-либо заявлений и не демонстрировал дискриминационное или оскорбительное поведение по этническому основанию. Наоборот, он действовал в целях самообороны после вмешательства, направленного на защиту жизни другого лица цыганского происхождения, а заявитель был направлен в больницу, что спасло его жизнь.

Кроме того, в отличие от дела «Молдован против Румынии» (*Moldovan v. Romania*) (№ 2) (жалобы №№ 41138/98 и 64320/01, *CEDH* 2005-VII (извлечения)), где было установлено дискриминационное отношение властей, в газетной статье, не удовлетворившей заявителя, не указывался источник информации. Возложение ответственности за это на власти Румынии является чистой спекуляцией. При таких обстоятельствах следует сделать вывод о необоснованности жалобы заявителя.

Что касается обязанности властей расследовать возможные расистские мотивы действий данного полицейского, власти Румынии утверждали, что отсутствовали доказательства дискриминационного отношения. Кроме того, упомянутая заявителем газетная статья не была доведена до сведения следственных органов.

В. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Приемлемость жалобы

200. Европейский Суд отмечает, что настоящая жалоба не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также отмечает, что жалоба не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

а) Что касается ответственности государства-ответчика за угрозу жизни и жестокое обращение по признаку расы или этнической принадлежности потерпевшего

201. Дискриминация означает различное обращение в отсутствие объективного и разумного оправдания с лицами, находящимися в сходном положении (Постановление Европейского Суда по делу «Уиллис против Соединенного Королевства» (*Willis v. United Kingdom*), жалоба № 36042/97, § 48, *CEDH* 2002-IV). Насилие по признаку расы особенно оскорбляет человеческое достоинство и в силу своих опасных последствий требует повышенного внимания и решительных действий со стороны властей. Поэтому они должны использовать все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы бороться с расизмом и насилием по признаку расы, тем самым укрепляя представление о том, что демократическое общество видит в разнообразии не угрозу, а свое богатство (упомянувшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии», § 145).

202. При рассмотрении жалобы заявителя в том виде, в каком она была сформулирована, задачей Европейского Суда является определить, был ли расизм фактором, повлекшим за собой поведение полицейского, на которое жаловался заявитель, и нарушило ли это статью 14 Конвенции.

203. Европейский Суд напоминает, что для оценки доказательств он применяет критерий «вне всякого разумного сомнения». Это, однако, не исключает возможности в некоторых случаях, где предполагается дискриминация, предложения государству-ответчику опровергнуть доказуемую жалобу на дискриминацию, и, если оно этого не сделает, установления нарушения статьи 14 Конвенции. Тем не менее, когда существует жалоба – как в настоящем деле – на насилие, имевшее мотивом расовые предрасположенности, от государства-ответчика потребуются доказать, что лицо, совершившее насилие, не имело особой субъективной позиции. Если в

правовых системах многих стран доказательство дискриминационного результата обращения или решения освобождает от необходимости доказывать умысел, когда это касается дискриминации в области занятости или оказания услуг, то этот подход оказывается трудным для применения в деле, в котором насилие было вызвано расовыми мотивами (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии», § 157).

204. Следовательно, Европейский Суд полагает, что, хотя поведение конкретного полицейского заслуживает серьезной критики, оно само по себе не является достаточным основанием для заключения о том, что обращение с заявителем со стороны полиции имело расистские мотивы. Кроме того, учитывая, что заявитель ссылался на информацию, опубликованную в прессе о происшествиях с участием цыган, Европейский Суд не упускает из виду, что его единственной задачей является установление того, было ли вызвано обращение в отношении заявителя расистскими мотивами (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии», § 155, Постановление Европейского Суда по делу «Бекос и Кутропулос против Греции» (*Bekos and Koutropoulos v. Greece*), жалоба № 15250/02, § 66, *CEDH* 2005-XIII (извлечения)). Из материалов дела также не следует, и заявитель не сообщал ни национальным властям, ни Европейскому Суду, что полицейские, участвовавшие в происшествии, высказывали оскорбления расового характера в соответствующий период (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Целнику против Греции», § 80, Постановление Европейского Суда по делу «Васил Сашов Петров против Болгарии» (*Vasil Sashov Petrov v. Bulgaria*) от 10 июня 2010 г., жалоба № 63106/00, § 69, и противоположный пример в упоминавшемся выше Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии», § 153, Постановлении Европейского Суда по делу «Осман против Болгарии» (*Osman v. Bulgaria*) от 16 февраля 2006 г., жалоба № 43233/98, §§ 85–86; Постановлении Европейского Суда по делу «Стойка против Румынии» (*Stoica v. Romania*) от 4 марта 2008 г., жалоба № 42722/02, § 128, и Постановлении Европейского Суда по делу «Туран Джакир против Бельгии» (*Turan Sakir v. Belgium*) от 10 марта 2009 г., жалоба № 44256/06, § 80).

205. Таким образом, после оценки соответствующих доказательств Европейский Суд не

может установить вне разумного сомнения, что расистские мотивы сыграли роль при обращении со стороны полицейского, которому был подвергнут заявитель.

b) Что касается исполнения государством-ответчиком своих обязательств по расследованию предполагаемых расистских мотивов обращения

206. Европейский Суд полагает, что при расследовании случаев насилия национальные власти имеют дополнительное обязательство принять все разумные меры, чтобы раскрыть любые расистские мотивы и установить, играло ли роль в событиях чувство ненависти или предвзятости по этническому признаку. На практике часто бывает очень трудно доказать расистские мотивы. Обязательство государства-ответчика расследовать предполагаемые расистские мотивы для актов насилия является обязательством средств, а не абсолютного результата. Власти должны принять все разумные меры ввиду сложившихся обстоятельств для сбора и сохранения доказательств, изучения всех конкретных способов для установления истины и принимать полностью обоснованные, беспристрастные и объективные решения, не упуская из внимания подозрительных фактов, свидетельствующих о насилии, которое мотивировано расовыми различиями (упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии», §§ 158–159).

207. В настоящем деле Европейский Суд установил, что румынские власти нарушили статью 2 Конвенции тем, что не провели эффективного расследования по факту происшествия. Он полагает, что жалоба о том, что румынские власти не провели дополнительного расследования относительно причинно-следственной связи между предполагаемыми расистскими взглядами и насилием, которое полицейский применил в отношении заявителя, должна быть рассмотрена отдельно.

208. В этом отношении он отмечает, что национальные власти, расследовавшие обстоятельства покушения на жизнь заявителя, располагали показаниями Л.Н.Д., данными им военному прокурору в ходе осмотра места происшествия в тот же вечер, в которых он указал, что «на него напал цыган». Европейский Суд полагает, что самого по себе этого недостаточно для начала национальными властями расследования того, имело ли насилие полицейского в отношении заявителя расистские мотивы.

с) Заключение

209. С учетом вышеизложенного Европейский Суд полагает, что по делу требования статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 2 и 3 Конвенции в их материально-правовом и процессуальном аспектах нарушены не были.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 34
КОНВЕНЦИИ

210. Заявитель утверждал, что отказ территориального органа военной прокуратуры в предоставлении его адвокату разрешения снять фотографии с материалов дела относительно уголовного расследования являлся вмешательством в его право на индивидуальную жалобу. Он ссылался на статью 34 Конвенции. Хотя после перекалфикации Европейским Судом жалоба заявителя была коммуницирована властям государства-ответчика в соответствии со статьей 6 Конвенции (право на доступ к суду) и статьей 8 Конвенции (право на уважение личной жизни), он рассмотрит их с точки зрения статьи 34 Конвенции, как указывал заявитель (см. также Постановление Европейского Суда по делу «Чуперческу против Румынии» (*Ciupercescu v. Romania*) от 15 июня 2010 г., жалоба № 35555/03, § 135).

211. Что касается жалобы на несоблюдение статьи 34 Конвенции, Европейский Суд полагает, что случай, на который жаловался заявитель, не препятствовал ему в подаче жалобы и в обосновании последней. При таких обстоятельствах отказ прокуратуры не мог быть истолкован как умышленное воспрепятствование праву заявителя на обращение в Европейский Суд (см., *mutatis mutandis*, Постановление Европейского Суда по делу «Дамьян-Буруяна и Дамьян против Румынии» (*Damian-Burueana and Damian v. Romania*) от 26 мая 2009 г., жалоба № 6773/02, § 120).

Следовательно, эта часть жалобы является явно необоснованной и должна быть отклонена в значении пунктов 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

ЧАСТЬ II – ПО ЖАЛОБЕ, ПОДАННОЙ ВТОРОЙ
И ТРЕТЬИМ ЗАЯВИТЕЛЯМИVI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3
КОНВЕНЦИИ

212. Со ссылкой на статью 3 Конвенции заявители жаловались на то, что подверглись унижающему достоинство обращению во время лишения свободы, которому подверглись в ночь с 19 на 20 мая 2000 г. и которое они считали незаконным.

Они также полагали, что их утверждения не были эффективно расследованы.

А. ДОВОДЫ СТОРОН

213. Вторая и третий заявители жаловались на то, что были незаконно лишены свободы в течение 10 часов ночью 19–20 мая 2000 г., а также питания, воды и отдыха. Кроме того, следовательно, осуществлявшие их допрос, предположительно оказывали на них психологическое давление с целью склонения их к изменению показаний относительно обстоятельств, при которых был произведен выстрел, ранивший первого заявителя. Следователи сознательно затягивали допрос, чтобы извлечь выгоду из их усталости и физического и морального истощения и вынудить их принять ложные показания полицейских. Сильные физические и психические страдания, причиненные заинтересованным лицам, усугублялись опасением последствий отказа изменить показания, поскольку следователи высказывали прямые угрозы. Второй заявитель¹ длительное время не покидал жилища из-за страха, внушенного полицейскими. Обжалуемое обращение составляло нарушение статьи 3 Конвенции.

214. Чрезмерная длительность их содержания под стражей не могла быть оправданной сложностью дела, поскольку оно не имело сложностей, и виновный, свидетели и состав преступления были установлены сразу. Кроме того, процессуальные правила не допускают содержания свидетелей под стражей, даже краткосрочного, и задержка допроса свидетелей не может объясняться проведением осмотра места происшествия. Кроме того, тот факт, что иные свидетели не сообщали о действиях, упомянутых в жалобе, не противоречит доводам заинтересованных лиц. Наконец, причина того, что заявители не ссылались на жестокое обращение в заседании 6 декабря 2001 г., заключается в том, что они допрашивались в качестве свидетелей и должны были отвечать на вопросы военного прокурора по поводу агрессивного поведения первого заявителя.

215. Власти Румынии утверждали, что содержание под стражей в полиции в течение нескольких часов, на которое ссылались два заявителя, объяснялось тем фактом, что военный прокурор должен был незамедлительно провести осмотр места происшествия. Утверждения о том, что они подвергались давлению, и им не было разрешено прочитать свои показания до подписания, даже если они

¹ Как видно из § 1, второй заявитель является женщиной, Анджелой Власчану (*прим. переводчика*).

не были расследованы, противоречат тому факту, что они не оспорили своих показаний.

216. Кроме того, другие свидетели, находившиеся в полиции вечером 19 мая 2000 г., а именно брат и дядя первого заявителя, не жаловались на давление. Кроме того, в заседании 6 декабря 2001 г. два заявителя не ссылались на унижающее достоинство обращение, жертвами которого они, по их словам, являлись. При таких обстоятельствах заинтересованные лица не доказали правдивость своих утверждений вне всякого разумного сомнения.

В. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

1. Приемлемость жалобы

217. Европейский Суд напоминает, что утверждения о жестоком обращении должны быть подкреплены соответствующими доказательствами (Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Маматкулов и Аскарлов против Турции» (*Mamatkoulov et Askarov v. Turkey*), жалобы №№ 46827/99 и 46951/99, § 70, *CEDH* 2005-I).

218. При оценке доказательств Европейский Суд, как правило, применяет стандарт доказывания «вне всякого разумного сомнения». Однако он не стремится к заимствованию подхода национальных правовых систем, применяющих этот критерий. В его задачу входит не установление виновности с точки зрения уголовного права или гражданской ответственности, но разрешение вопроса об ответственности государственных участников в соответствии с Конвенцией. Особенности задачи, возлагаемой на него статьей 19 Конвенции – обеспечения соблюдения Высокими Договаривающимися Сторонами их обязательств по соблюдению основных прав, предусмотренных этим актом, – определяют его подход к вопросам доказывания. В рамках процедуры Европейского Суда отсутствуют процессуальные препятствия для элементов доказательств или предустановленные правила их оценки. Европейский Суд принимает заключения, которые, по его мнению, подкрепляются независимой оценкой совокупности всех доказательств, включая выводы, которые могут быть сделаны из фактов и объяснений сторон. В соответствии с его утвердившейся прецедентной практикой доказывание может строиться на совокупности достаточно надежных, четких и последовательных предположений или аналогичных неопровергнутых фактических презумпций. Кроме того, степень убеждения, необходимого для принятия конкретного вывода, и в связи с этим распределе-

ние бремени доказывания по существу связаны с конкретными фактами, характером утверждений и конвенционным правом, являющимся предметом рассмотрения. Европейский Суд также учитывает серьезность вывода о нарушении государством основных прав человека (см. упомянутое выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии», § 147).

219. В настоящем деле в отсутствие доказательств угрозы и давления, предположительно оказанного военным прокурором и полицейскими на двух заявителей в процессе допроса, Европейскому Суду трудно установить реальность обжалуемых фактов. Европейский Суд полагает, что объяснения заявителей не являются достаточными для установления вне всякого разумного сомнения факта угроз и предполагаемого давления. Кроме того, не оспаривается, что данные и подписанные заявителями показания соответствовали их словам. Следовательно, национальные власти также не могут подвергаться критике за отсутствие расследования в этом отношении.

Таким образом, данная часть жалобы является явно необоснованной.

220. С другой стороны, жалоба заявителей на содержание в полиции без пищи и воды не является явно необоснованной в значении пункта 3 статьи 35 Конвенции. Она также не является неприемлемой по каким-либо другим основаниям. Следовательно, жалоба должна быть объявлена приемлемой.

2. Существо жалобы

221. Европейский Суд отмечает, что власти Румынии не оспаривали того, что заявители содержались в полиции поздно ночью без пищи и воды. Кроме того, власти Румынии не представили Европейскому Суду каких-либо документов, регулирующих статус свидетелей по уголовным делам и указывающих, как с ними следует обращаться, если они, как в настоящем деле, вынуждены провести несколько часов в распоряжении следственных органов.

222. Ввиду вышеизложенного, обстоятельств дела – в частности, длительности допросов, которым подверглись заявители после драматических событий – и чувства тоски и неполноценности, которое обжалуемое обращение причинило заявителям, Европейский Суд полагает, что оно должно быть квалифицировано как унижающее достоинство обращение.

223. Соответственно, имело место нарушение статьи 3 Конвенции в этом отношении.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПУНКТОВ 1, 2, 4 И 5 СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ КАК ТАКОВЫХ И ВО ВЗАИМОСВЯЗИ СО СТАТЬЕЙ 13 КОНВЕНЦИИ

224. Вторая и третий заявители утверждали, что были незаконно лишены свободы с 19.30 19 мая до 5 часов утра 20 мая 2000 г. в нарушение пункта 1 статьи 5 Конвенции. Со ссылкой на пункты 2, 4 и 5 статьи 5 Конвенции они также жаловались на то, что не были уведомлены о причинах лишения их свободы, на отсутствие уголовного расследования в этом отношении и невозможность получения компенсации в связи с ним. Наконец заявители отмечали, что вопреки статье 13 Конвенции они не располагали эффективным средством правовой защиты для обжалования вышеупомянутых нарушений. Статья 5 Конвенции в соответствующих частях предусматривает следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом: (...)

b) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом; (...)

c) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения; ...

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение. (...)

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию».

А. ДОВОДЫ СТОРОН

225. Со ссылкой на пункт 1 статьи 5 Конвенции заявители жаловались на то, что являлись жертвами незаконного лишения свободы в ночь с 19 на 20 мая 2000 г., что подверглись унижающему достоинство обращению. Они отмечали, что лише-

ние свободы свидетелей не имеет правовой основы в румынском законодательстве.

226. Со ссылкой на пункт 2 статьи 5 Конвенции заявители утверждали, что им не была сообщена причина их задержания. Они полагали, что их длительное задержание имело целью физическое и моральное принуждение к изменению показания в сторону, желательную для военного прокурора.

227. Ссылаясь на процессуальный аспект статьи 5 Конвенции, заявители жаловались на отсутствие расследования незаконного лишения свободы, жертвами которого они себя считали. Они полагали, что доклад, подготовленный ассоциацией APADOR-CH в их интересах, мог быть приравнен к заявлению о возбуждении уголовного дела и что власти были обязаны начать расследование для выяснения обоснованности этих утверждений. Они утверждали, что в отсутствие такого расследования они не могли использовать средства правовой защиты, позволявшие им требовать возмещения в связи с лишением свободы, противоречащим статье 5 Конвенции. Наконец, заявители указывали на отсутствие эффективного средства правовой защиты по смыслу статьи 13 Конвенции для обжалования предполагаемых нарушений статьи 5 Конвенции.

228. Считая, что заявители не были лишены свободы в значении пункта 1 статьи 5 Конвенции, власти Румынии полагали, что данное положение не применимо к делу. По их мнению, заявители в худшем случае претерпели ограничение свободы, которое было предусмотрено законом и являлось необходимым для установления фактов в рамках производившегося расследования.

Заявители добровольно направились в полицию, чтобы дать показания в качестве очевидцев. Таким образом, они знали, почему оказались в полиции. Они даже дали первые показания до прибытия дежурного военного прокурора, который был один, так как происшествие случилось вечером. Прокурор должен был принять меры, необходимые для фиксации доказательств при проведении расследования до допроса свидетелей.

Длительность допросов, которые растянулись на несколько часов, могла объясняться необходимостью точного и полного установления фактов. В этом отношении следует отметить, что прокурор, призванный восстановить с участием свидетелей последовательность событий, может также задавать вопросы для устранения противоречий в их показаниях, и присутствие свидетелей необходимо для проведения очной ставки.

С объективной точки зрения, характер и длительность пребывания заявителей в полиции не достигали суровости, необходимой для его квалификации в качестве лишения свободы. Субъективные элементы обжалуемой ситуации не исключают этого вывода, поскольку заявители не отличались слабым здоровьем, являлись взрослыми и сознавали, что привлечены в качестве свидетелей, и роль, которую они играли в данных событиях, не являлась достаточной, чтобы их пребывание в полиции могло создать крайнее напряжение. Кроме того, военный прокурор не пытался их запугивать.

229. Наконец, заявители не подавали жалоб на предполагаемое лишение свободы. Они ограничились составлением доклада при содействии ассоциации APADOR-CH на имя генерального директората полиции и военного прокурора, содержавшего краткие и необоснованные утверждения, например, о том, что им не было сообщено о причинах их пребывания в полиции. Они могли бы подать заявление о возбуждении уголовного дела, которое окончилось бы осуждением полицейских, причастных к злоупотреблению и незаконному задержанию, как это было в ряде дел, решения по которым власти Румынии передали Европейскому Суду.

230. Что касается предполагаемой невозможности получения заявителями возмещения, положения пункта 5 статьи 5 Конвенции не применимы в отсутствие лиц, подвергшихся лишению свободы.

В. МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА

231. Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что вторая и третья заявители находились в полиции с 19.30 19 мая до 5 часов утра 20 мая – в общей сложности девять с половиной часов, чтобы дать свидетельские показания вначале полицейскому, а затем военному прокурору.

232. Европейский Суд напоминает, что пункт 1 статьи 5 Конвенции прежде всего требует законности содержания под стражей, включая соблюдение «порядка, установленного законом». Конвенция в значительной степени отсылает к национальному законодательству и устанавливает обязанность соблюдения его материальных и процессуальных норм. Однако соблюдение национального законодательства не является достаточным: дополнительно требуется, чтобы любое лишение свободы учитывало цель статьи 5 Конвенции: защиты лица от произвола. Пункт 1 статьи 5 Конвенции перечисляет случаи, в которых Конвенция разрешает лишать свободы. Этот перечень имеет исчерпывающий характер, и цели этого положения, а именно недопустимости произвольного лишения

свободы, соответствует только узкое толкование этих исключений (Постановление Европейского Суда по делу «Василева против Дании» (Vasileva v. Denmark) от 25 сентября 2003 г., жалоба № 52792/99, §§ 32–33).

233. В настоящем деле заявители оспаривали законность своего задержания, утверждая, что не было вынесено решение об их заключении под стражу или задержании. Власти Румынии утверждали, что заявители были вызваны для дачи показаний в качестве очевидцев по уголовному делу. С учетом обстоятельств дела Европейский Суд полагает, что данная ситуация относится к сфере действия не подпункта «с» пункта 1 статьи 5 Конвенции, который имели в виду заявители, а подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, который предусматривает законное задержание лица «с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом».

234. Европейский Суд полагает, что не является необходимым разрешать вопрос о наличии лишения свободы для установления применимости статьи 5 Конвенции, поскольку предполагаемое лишение свободы в любом случае является оправданным с точки зрения подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции по причинам, изложенным ниже.

235. Европейский Суд учитывает, что заявители были доставлены в полицию, где дали показания в качестве свидетелей об обстоятельствах нападения первого заявителя (§ 30 настоящего Постановления). Такая ситуация имела правовую основу в законодательстве, поскольку статья 83 Уголовно-процессуального кодекса Румынии обязывает свидетелей явиться и сообщить об известных им фактах.

236. В силу последней части подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции лицо может быть задержано или заключено под стражу «с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом». Европейский Суд напоминает, что для того, чтобы задержание было оправданным подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции, данное обязательство должно быть определенным и конкретным, и задержание или заключение под стражу должно быть направлено на его обеспечение и не должно иметь карательного характера (Постановление Европейского Суда по делу «Илия Стефанов против Болгарии» (Iliya Stefanov v. Bulgaria) от 22 мая 2008 г., жалоба № 65755/01, § 72). Кроме того, в случае исполнения обязательства основание для задержания отпадает. Наконец, должно быть установлено равновесие между необходимостью в демократическом обществе обеспечения исполнения данного обязательства и важностью права на свободу. В этом отношении

Европейский Суд рассмотрит характер обязательства, включая его объект и цель, задержанного лица, обстоятельства, повлекшие его задержание и длительность последнего (Постановление Европейского Суда от 8 июня 1976 г. по делу «Энгел и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. Netherlands*), § 69, Série A, № 22, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Василева против Дании», §§ 37–38, Постановление Европейского Суда от 24 марта 2005 г. по делу «Эпле против Германии» (*Erple v. Germany*), жалоба № 77909/01, § 37).

237. Европейский Суд отмечает, что до прибытия в полицию в 19.30 заявители сознавали, что вызваны в качестве свидетелей (см. § 30 настоящего Постановления). Они дали первые показания полицейскому к 21.00. После прибытия военного прокурора они допрашивались по очереди до 5 часов утра. Третий заявитель был допрошен с полночи до 2.00, но ему не было разрешено уйти до окончания допроса присутствующих свидетелей. Заявительница допрашивалась с 4 до 5 часов утра. Хотя свидетели добровольно явились в полицию, они просили разрешения удалиться после дачи первых показаний полицейскому. Власти Румынии утверждали, что заявители были задержаны в интересах надлежащего отправления правосудия, поскольку с учетом обстоятельств дела могла потребоваться их очная ставка. Со своей стороны, Европейский Суд полагает, что оспариваемое задержание являлось логическим следствием права властей на обеспечение присутствия свидетелей в уголовном расследовании (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Илия Стефанов против Болгарии», § 73).

238. Кроме того, Европейский Суд отмечает, что отсутствовало разумное подозрение против заявителей, которое позволяло бы предположить, что их показания относятся к предварительному расследованию против них. Меры, принятые властями, не имели карательного контекста, но относились к сфере действия подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции.

239. При таких условиях Европейский Суд полагает, что удержание властями свидетелей в течение определенного срока для получения их показаний само по себе не является несовместимым с вышеуказанной статьей. В настоящем деле третий заявитель удерживался с 19.30 до полуночи, когда он дал показания после возвращения военного прокурора с осмотра места происшествия. Впоследствии он был вынужден находиться в полиции с 2 до 5 часов утра, поскольку, как утверждали власти Румынии, могла потребоваться очная ставка с другими свидетелями. Это лицо содержалось в полиции в общей сложности 7,5 часов. Заявительница

в сопровождении дочери удерживалась с 19.30 до 4.00, когда она была допрошена прокурором. В общей сложности она провела в полиции 8 часов. С учетом прецедентной практики по данному вопросу (Решение Европейской Комиссии по правам человека по делу «В. против Франции» (*V. v. France*) от 13 мая 1987 г., жалоба № 10179/82, *Décisions et rapports* (DR) 52, p. 111, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Илия Стефанов против Болгарии») и отсутствия в деле периодов явно необоснованного бездействия (см. противоположный пример в упоминавшемся выше Постановлении Европейского Суда по делу «Василева против Дании», § 41) Европейский Суд полагает, что равновесие между необходимостью обеспечения исполнения обязанности, возложенной на заявителей, и правом последних на свободу было установлено. Отсюда следует, что жалоба является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

240. Что касается жалобы заявителей на нарушение пункта 2 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд, прежде всего, отмечает, что они не подозревались в совершении преступления, вследствие чего отсутствовала необходимость уведомления их о предъявленных им обвинениях. Кроме того, обстоятельства дела (см. § 30 настоящего Постановления) позволяют предположить, что заявители были осведомлены о том, что находятся в полиции для дачи показаний по уголовному делу. Отсюда следует, что жалоба в этой части является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

241. Европейский Суд учитывает, что со ссылкой на «процессуальный аспект» статьи 5 Конвенции заявители жаловались на отсутствие расследования лишения их свободы. Исходя из того, что жалоба в этой части может быть истолкована как довод об отсутствии средства правовой защиты, гарантированного пунктом 4 статьи 5 Конвенции, Европейский Суд напоминает, что отсутствует нарушение этого положения Конвенции, если лишение свободы оканчивается ранее, чем было бы необходимо для проведения процедуры, предусмотренной данным положением (см. Решение Европейской Комиссии по правам человека по делу «Х. против Швеции» (*X. v. Sweden*) от 7 октября 1976 г., жалоба № 7376/76, *Décisions et rapports* (DR) 7, и Постановление Европейского Суда по делу «Фокс, Кемпбелл и Хартли против Соединенного Королевства» (*Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom*) от 30 августа 1990 г., § 44, Série A, № 182). Отсюда следует, что жалоба в этой части является явно необоснованной и под-

лежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции. В любом случае, даже если предположить, что «процессуальный аспект», упомянутый заявителями, мог приобрести иное значение, как в делах о нарушении статей 2 и 3 Конвенции, Европейский Суд учитывает, что заявители не выдвинули доказуемой жалобы, требовавшей рассмотрения властями (см. §§ 237–239 настоящего Постановления).

242. Что касается жалобы на отсутствие компенсации за лишение свободы, которое, по их словам, претерпели заявители, Европейский Суд напоминает, что он не выявил признаков нарушения подпункта «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции. При таких условиях жалоба на нарушение пункта 5 статьи 5 Конвенции является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

243. Кроме того, с учетом сделанных выводов с точки зрения статьи 5 Конвенции Европейский Суд полагает, что жалоба относительно статьи 13 Конвенции также является явно необоснованной и подлежит отклонению в соответствии с пунктами 3 и 4 статьи 35 Конвенции.

VIII. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

244. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Европейский Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Европейский Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ

245. В требовании о справедливой компенсации, направленном в Европейский Суд 16 сентября 2005 г., первый заявитель просил 300 000 000 румынских леев, представляющие собой расходы на специальную диету, которой он должен был придерживаться, расходы на экспертизу и лечение и транспортные расходы, но не представил доказательств в подтверждение своего требования, за исключением показаний своих родителей. Кроме того, он требовал сумму, эквивалентную разнице между пособием по инвалидности и средним доходом в стране. Он утверждал, что эта разница составляла 5 608 680 новых леев в месяц или в общей сложности 3 297 903 840 новых леев – то есть 94 776 евро на тот момент – что соответствовало совокупной сумме, причитающейся до достижения 68 лет, ожидаемой продолжительности жизни мужчины в городе на тот момент.

246. Власти Румынии полагали, что заявитель не доказал наличие ущерба, составляющего 300 000 000 леев, которые он требовал, хотя он мог представить счета и квитанции в отношении расходов, предположительно понесенных им. Кроме того, власти Румынии подчеркивали, что заявитель не доказал необходимость специальной диеты. Что касается суммы, требуемой в отношении неполученного дохода, власти Румынии отметили, что заявитель не доказал, что выполнял какую-либо оплачиваемую работу на момент событий. В любом случае суммы, на которые ссылался заявитель, носили чисто гипотетический характер, и расчет, представленный им, основывался на среднем доходе по стране до вычета подоходного налога.

247. Из прецедентной практики Европейского Суда следует, что должна иметься прямая причинная связь между предполагаемым ущербом и установленным нарушением Конвенции. В настоящем деле Европейский Суд установил, что государство несло ответственность на основании материально-правового и процессуального аспектов статьи 2 Конвенции (§§ 150 и 176 настоящего Постановления). Следовательно, он приходит к выводу о том, что требование о наличии прямой причинной связи соблюдено.

Что касается требования о возмещении расходов на специальную диету, которой предположительно придерживался заявитель, расходов на экспертизу и лечение и транспортных расходов, Европейский Суд отмечает, что заявленный ущерб не подтвержден доказательствами. Соответственно, отсутствуют основания для приращения каких-либо сумм в этом отношении.

Что касается требования заинтересованного лица в части неполученного дохода, Европейский Суд напоминает, что присуждение такой компенсации не исключается (см., в частности, упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Чакичи против Турции», § 127, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Мансуролу против Турции», § 126). Учитывая неопределенность, характеризующую ситуацию заявителя, полную и постоянную утрату им трудоспособности, Европейский Суд считает необходимым присудить ему компенсацию будущих неполученных доходов (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Караджияннопулос против Греции», § 83, Постановление Европейского Суда по делу «Михеев против Российской Федерации» (Mikheyev v. Russia) от 26 января 2006 г., жалоба № 77617/01, § 162). Осуществляя оценку на справедливой основе, Европейский Суд присуждает 90 000 евро

по данному основанию, а также любой налог, подлежащий начислению на данную сумму.

В. МОРАЛЬНЫЙ ВРЕД

248. Первый заявитель утверждал, что ему был причинен моральный вред в результате тяжелых физических страданий, разочарования, тревоги и беспомощности, вызванных поразившим его выстрелом и недостатками расследования дела. Он оценивал вред в 200 000 евро и предлагал Европейскому Суду учесть также систематический характер расовой дискриминации цыган в Румынии.

Каждый из второй и третьего заявителей просил 50 000 евро в качестве компенсации морального вреда, предположительно вызванного беспокоемством и тревогой в связи с содержанием в полиции и отсутствием расследования в этом.

249. Власти Румынии полагали, что суммы, требуемые заявителями, являются чрезмерными, и ссылались на прецедентную практику Европейского Суда по данному предмету. Они добавили, что причинная связь между нарушениями и предполагаемым моральным вредом не доказана. Наконец, они полагали, что первый заявитель не продемонстрировал существование систематической проблемы, поскольку Европейский Суд установил нарушение статьи 14 Конвенции лишь по одному делу на 28 октября 2005 г., когда власти Румынии представили свои объяснения. В качестве альтернативы они утверждали, что отсутствует причинная связь между установлением системной проблемы и суммами, присуждаемыми заявителям на основании статьи 41 Конвенции.

250. Европейский Суд полагает, что помимо физических последствий, вызванных обращением с первым заявителем, он несомненно должен был испытывать сильные чувства унижения, страдания, разочарования и незащищенности, усугубленные пассивностью, которую продемонстрировали власти в отношении его требований. Кроме того, имело место вопиющее невнимание властей к его жалобам и его психологическому состоянию, которое не было защищено надлежащим образом. При таких условиях, осуществляя оценку на справедливой основе и принимая во внимание установление по делу ряда нарушений статей 2 и 13 Конвенции, Европейский Суд присуждает первому заявителю 40 000 евро в качестве возмещения морального вреда.

251. Европейский Суд полагает, что вторая и третий заявители также испытали чувства унижения и страдания в связи с условиями, в которых они содержались в полиции. Оценивая указанные обстоятельства на справедливой основе, он при-

суждает каждому из этих заявителей 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

С. СУДЕБНЫЕ РАСХОДЫ И ИЗДЕРЖКИ

252. В своих объяснениях Европейскому Суду от 16 сентября 2005 г. заявители требовали общую сумму в 7 820 евро (7 470 евро в отношении гонорара адвоката, уплаченного непосредственно последней, и 350 евро в отношении издержек на делопроизводство) в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе рассмотрения дела в Европейском Суде. Письмом от 6 марта 2006 г., адресованным Европейскому Суду, они просили дополнительно 1 440 евро в возмещение гонорара за работу их адвоката по подготовке дополнительных объяснений, затребованных Европейским Судом.

253. Со своей стороны, власти Румынии считали требования в части адвокатских гонораров чрезмерными и подчеркивали, что заявители не представили доказательств издержек на делопроизводство.

254. В соответствии с прецедентной практикой Европейского Суда заявитель имеет право на возмещение расходов и издержек только в части, в которой они были действительно понесены, являлись необходимыми и разумными по размеру. В данном случае, учитывая вышеприведенные критерии, подробную ведомость временных затрат, которая была представлена, и вопросы, возникшие в настоящем деле, Европейский Суд присуждает заявителям 8 900 евро в отношении гонораров адвоката и 350 евро в отношении издержек на делопроизводство, подлежащие уплате непосредственно Д. Михай. После вычета 959 евро, полученных от Совета Европы в порядке юридической помощи (см., *mutatis mutandis*, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии», § 111, и упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Чуперческу против Румынии», § 185), подлежащая уплате сумма уменьшается до 8 291 евро.

Д. ПРОЦЕНТНАЯ СТАВКА ПРИ ПРОСРОЧКЕ ПЛАТЕЖЕЙ

255. Европейский Суд счел, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

На основании изложенного Суд:

1) признал единогласно жалобу приемлемой в отношении первого заявителя, что касается статей 2 и 3 Конвенции как таковых и во взаимосвязи

со статьями 13 и 14 Конвенции, а также в отношении второй и третьего заявителей, что касается статьи 3 Конвенции, в части содержания в полиции без воды и пищи;

2) признал большинством голосов оставшуюся часть жалобы неприемлемой;

3) постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 2 Конвенции в материально-правовом и процессуальном аспектах в отношении первого заявителя;

4) постановил единогласно, что отсутствует необходимость рассмотрения жалобы с точки зрения статьи 3 Конвенции в отношении первого заявителя;

5) постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции в отношении первого заявителя;

6) постановил единогласно, что отсутствует необходимость рассмотрения жалобы с точки зрения статьи 13 Конвенции во взаимосвязи со статьей 3 Конвенции в отношении первого заявителя;

7) постановил четырьмя голосами «за» и тремя – «против», что требования статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьями 2 и 3 Конвенции нарушены не были в отношении первого заявителя;

8) постановил единогласно, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении второй и третьего заявителей в части содержания в полиции без пищи и воды;

9) постановил шестью голосами «за» при одном «против», что:

а) государство-ответчик обязано в течение трех месяцев со дня вступления настоящего Постановления в силу в соответствии с пунктом 2 статьи 44 Конвенции выплатить следующие суммы, подлежащие переводу в национальную валюту по курсу, который будет установлен на день выплаты;

i) 90 000 евро (девяносто тысяч евро) первому заявителю в качестве компенсации материального ущерба, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму;

ii) 40 000 евро (сорок тысяч евро) первому заявителю в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму;

iii) 10 000 евро (десять тысяч евро) каждому из второй и третьего заявителей в качестве компенсации морального вреда, а также любой налог, который может быть начислен на указанную сумму;

iv) 8 291 евро (восемь тысяч двести девяносто один евро) в качестве возмещения судебных расходов и издержек, подлежащий выплате непосредственно Д. Михай;

б) по истечении указанного трехмесячного срока и до произведения окончательной выплаты на указанные суммы начисляются простые проценты в размере предельной годовой ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента;

10) отклонил единогласно остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на французском языке, уведомление о Постановлении направлено в письменном виде 22 февраля 2011 г. в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Мариалена ЦИРЛИ	Йозеп КАСАДЕВАЛЬ
Заместитель Секретаря	Председатель
Секции Суда	Палаты

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

(а) частично совпадающее и частично несовпадающее особое мнение судьи Мийера;

(б) частично совпадающее и частично несовпадающее особое мнение судьи Зимеле;

(с) частично несовпадающее особое мнение судьи Пауэр, к которому присоединился судья Цупанчич.

Й. К.
М.Ц.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МИЙЕРА

Факты настоящего дела являются серьезными. Нижеизложенные комментарии не имеют целью умалять их серьезность или особо достойную сожаления судьбу первого заявителя.

Хотя я голосовал за признание нарушения статьи 2 Конвенции в материально-правовом и процессуальном аспектах, у меня есть оговорки относительно рассмотрения доказательств и установления фактов в настоящем Постановлении. Я не полностью уверен в том, что версия заявителей заслуживает доверия.

Что в действительности случилось?

Общий элемент версий заявителей и полицейских заключается в том, что первый заявитель и его брат преследовали своего бывшего свойственника С.К., к которому они, по-видимому, не были расположены (иначе зачем они его преследовали, и почему С.К. звал на помощь?) Уже поэтому мы не можем отбросить версию властей Румынии. Таким образом, следует с осторожностью воспринимать

утверждение заявителей о том, что первый заявитель не был вооружен. На месте происшествия имелся нож. Не только полицейские, но и С.К. упоминали о наличии ножа у первого заявителя (§ 57). С.К. даже указывал, что первый заявитель поранил полицейского, на что другой полицейский отреагировал, «открыв огонь без предупреждения».

Отсутствие отчетливых отпечатков пальцев на ноже может объясняться тем фактом, что полиция пыталась разоружить участника того, что считалось не более чем обычной уличной дракой, которая окончилась выстрелом в голову первого заявителя.

В этом отношении я сомневаюсь, что было бы разумным утверждать, как сказано в § 146 Постановления, что Европейский Суд «не может не отметить отсутствие профессионализма, проявленное полицейскими». Точно так же мне представляется проблемной мотивировка § 147. Если рассмотреть факты, изложенные в § 29, в котором указано, что полицейский прошел медицинское обследование и что «[у] него были диагностированы неглубокие раны подложечной области, причиненные острым предметом», и прибавить к ним изложенные в §§ 61 и 62, особенно тот факт, что согласно экспертизе «эти травмы могли быть причинены изъятым ножом и (...) с учетом расположения и формы травмы могли быть причинены при нападении», трудно отмахнуться от другой версии, на которую ссылались власти Румынии.

Ни о чем не говорит утверждение второй заявительницы о том, что она пыталась остановить полицейского, или отсутствие следов крови на его одежде (§ 49). Медицинское заключение упоминает «поверхностные раны», и экспертиза не ссылается на следы крови на одежде полицейского. Кроме того, если вторая заявительница пыталась удерживать полицейского сзади (несомненно, лучший способ приблизиться к вооруженному человеку), ей не обязательно было контактировать с травмами полицейского на передней части его тела.

Пуля поразила заявителя в левой висок, после чего пробила верхнюю часть черепа. Непонятно, каким образом пуля могла двигаться в противоположном направлении, как утверждают заявители. Что касается последующего «исправления» заключения медицинской экспертизы, упоминались костные фрагменты в мозговой ткани, двигавшиеся в определенном направлении, то есть снизу вверх (§ 91). С учетом этого недостаточно утверждать вслед за заявителями, что в соответствии с принципами судебной медицины выходное отверстие неизменно больше, чем входное.

Таким образом, этот выстрел мог быть непредвиденным, произведенным в воздух, но отра-

женным, возможно, потому, что полицейский потерял равновесие.

Наконец, Постановление в значительной степени основано на готовности верить версии заявителей, а не полиции, в отношении событий, предшествовавших стрельбе. Но, на мой взгляд, версия заявителей не выглядит более достоверной, чем версия полиции.

При этом я согласен с общей критикой, содержащейся в § 137 Постановления, согласно которому румынские власти не сделали «всего, что можно было бы от них разумно ожидать, для обеспечения гражданам требуемого уровня защиты, особенно в делах наподобие настоящего о применении потенциально летальной силы, затрагивающих реальную и непосредственную угрозу для жизни, с которыми связаны полицейские операции, по крайней мере, в исключительных случаях». Сознвая, что решение об обнажении оружия должно приниматься оперативно – когда отводится непродолжительное время на рассмотрение всех значимых факторов и интересов и принятие сбалансированного решения, – я не убежден, что в настоящем деле полицейский не имел другого выбора, кроме направления оружия на первого заявителя и немедленного выстрела без попытки осмысления.

Я также согласен с тем, что изложено в Постановлении относительно процессуального нарушения.

Из-за изложенных выше сомнений я не считал возможным голосовать за суммы, присужденные заявителям в качестве компенсации морального вреда, которые представляются мне слишком большими с учетом обстоятельств дела.

ЧАСТИЧНО СОВПАДАЮЩЕЕ И ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЗИМЕЛЕ

I

Я голосовала вместе с большинством за признание нарушения статьи 2 Конвенции. Однако я хотела бы добавить, что, на мой взгляд, мотивировка Палаты не является полной в отношении первой части позитивного обязательства с точки зрения этого положения, а именно законодательной и регулятивной базы применения оружия полицией. Интересно, что сами власти Румынии ссылались на статью 6 Международного пакта о гражданских и политических правах и Принципы применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка, принятые ООН (§ 121 Постановления) в подтверждение

того, что румынское законодательство им соответствует. Действительно, практика Европейского Суда по статье 2 Конвенции более развита, чем практика Комитета по правам человека. Однако Принципы ООН (§ 102 Постановления), затрагивающие законодательную и регулятивную базу применения огнестрельного оружия, включая чрезвычайные ситуации, подготовку и отбор полицейских, применяющих его, намного более подробны. Практика Европейского Суда по этим вопросам не является обильной (см., например, Постановление Европейского Суда по делу «Джулиани и Гаджо против Италии» (*Giuliani and Gaggio v. Italy*) от 25 августа 2009 г., жалоба № 23458/02, находящееся на пересмотре в Большой Палате)¹. Я согласна с тем, что законодательная и регулятивная база в Румынии явно неадекватна и потому противоречит статье 2 Конвенции. Однако довод властей Румынии со ссылкой на Принципы ООН требует ответа, поскольку принятый подход не позволяет понять, являются ли обязательства, вытекающие из статьи 2 Конвенции, столь же подробными, как и вышеупомянутые принципы в части подготовки полицейских и применения ими оружия.

II

Я не могу согласиться с большинством в части жалобы на нарушение статьи 5 Конвенции. В прецедентной практике Европейского Суда установлен принцип, согласно которому мера лишения свободы признается законной, если закон, на основании которого она применяется, характеризуется определенным качеством. Требование к качеству закона применяется ко всем основаниям лишения свободы, предусмотренным статьей 5 Конвенции. В Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «МакКей против Соединенного Королевства» (*McKay v. United Kingdom*), жалоба № 543/03, § 30, *CEDH* 2006-X, Европейский Суд напомнил, что «[н]аряду со статьями 2, 3 и 4 Конвенции статья 5 Конвенции занимает центральное место среди фундаментальных прав, защищающих физическую неприкосновенность лица (...) Три главных принципа формируют прецедентную практику Европейского Суда: исключения, перечень которых является исчерпывающим, допускают лишь узкое толкование (см. Постановление Европейского Суда по делу «Чиулла против Италии» (*Ciulla v. Italy*) от 22 фев-

раля 1989 г., § 41, *Série A*, № 148) и не подлежат оговоркам, предусмотренным иными положениями (в частности, статьями 8–11 Конвенции), систематический акцент на законности содержания под стражей, с процессуальной и материально-правовой точек зрения, требующий строгой приверженности принципу верховенства права (Постановление Европейского Суда по делу «Винтерверп против Нидерландов» (*Winterwerp v. Netherlands*) от 24 октября 1979 г., § 39, *Série A*, № 33), и важность безотлагательности и оперативности требуемой судебной проверки» (см. упоминавшееся выше Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «МакКей против Соединенного Королевства», там же). Признавая необходимость допроса свидетелей полицией и прокуратурой сразу после происшествия, я не могу согласиться с тем, что закон, допускающий допросы такого рода при унижающих достоинство обстоятельствах, может считаться совместимым с Конвенцией. Допросы, имевшие место после полуночи в 4 или 5 часов утра, не могут считаться особенно гуманными. Представляется также, что ни одна норма румынского законодательства не позволяет свидетелям требовать допроса в более гуманных условиях. На мой взгляд, было бы логично сделать вывод из нарушения статьи 3 Конвенции, примененной Европейским Судом – с чем я согласна – что условие соразмерности, вытекающее из статьи 5 Конвенции, в качественном отношении не было достигнуто.

III

Наконец, я не согласна с выводом большинства о том, что по делу требования статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции не были нарушены в части обязательства расследования возможных расистских мотивов, которые могли определять действия полицейских в данном случае. Из материалов дела мы можем видеть, что полицейский написал в своем объяснении, что «на него напал цыган». Не следует забывать последующие сообщения прессы, которые свидетельствовали о новых трениях между полицией и цыганами. Имеются иные элементы, которые, по мнению заявителей, указывают на расистский характер фактов (§ 37 Постановления). Я уже имела случай отметить (см. мое несоответствующее особое мнение по делу «Карабуля против Румынии», жалоба № 45661/99, Постановление от 13 июля 2010 г.), что с учетом выводов, сделанных Европейским Судом в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Начова и другие против Болгарии» (*Natchova and Others v. Bulgaria*), жалобы №№ 43577/98 и 43579/98, § 157, *CEDH*

¹ 24 марта 2011 г. Большая Палата рассмотрела дело Джулиани и Гаджо и указала, что выстрел в лицо демонстранту, вооруженному огнестрельным оружием, не является основанием для установления нарушения не ст. 2 Конвенции в материально-правовом или процессуальном аспектах и любых других положений Конвенции (*прим. переводчика*).

2005-VII, существует отдельное обязательство расследования расистских мотивов, которые могут объяснять то или иное поведение полицейских. На мой взгляд, в настоящем деле имеются достаточные факты, обязывавшие власти выяснить мотивы, объясняющие последовательность событий. Власти не были обязаны считать установленным, что поведение полицейских определялось расистскими мотивами. В этом отношении я могу принять вывод, сделанный Европейским Судом в § 204 Постановления. Это действительно обязательство средств. Вопрос о нарушении статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции затрагивает процессуальные проблемы расследования, которое Европейский Суд в любом случае нашел противоречащим статье 2 Конвенции.

ЧАСТИЧНО НЕСОВПАДАЮЩЕЕ ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАУЭР, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ ЦУПАНЧИЧ

Я согласна в настоящем деле с мнением большинства, за исключением выводов по жалобе на нарушение статьи 14 (во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции) и статьи 5 Конвенции.

Статья 14 Конвенции

В моем частично несовпадающем особом мнении по делу «Карабуля против Румынии» (*Carabulea v. Romania*) (жалоба № 45661/99, Постановление от 13 июля 2010 г.) я выразила мнение о том, что ввиду международно признанной проблемы обращения с цыганами в Румынии это государство имело обязательство тщательного расследования любой агрессии в отношении данного национального меньшинства. Уклонение государства от проведения такого расследования вынудило меня заключить, что имело место процессуальное нарушение статьи 14 Конвенции во взаимосвязи со статьей 2 Конвенции.

Тот факт, что цыгане больше, чем другие, рискуют подвергнуться насилию и жестокому обращению со стороны румынской полиции, подтверждается многочисленными международными докладами¹. Помимо озабоченности, выражаемой

¹ См., например, доклады и замечания Комитета по наблюдению за исполнением Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации. См., в частности, окончательные замечания в отношении Румынии Комитета по ликвидации расовой дискриминации от 22 сентября 1995 г. См. также заключительные замечания в отношении Румынии того же комитета от 19 августа 1999 г. См. также доклад сэра Найджела Родли, специального докладчика по вопросу о пытке, представленный в соответствии с Резолюцией № 1999/32 Комиссии по правам человека ООН. Кроме того, Европейская комиссия против расизма и нетерпимости (ECRI) в 1999 году выразила осо-

на международном уровне, Европейский Суд также усматривает проблемы дискриминации цыган на национальном уровне². Кроме того, представитель властей Румынии сам признал, что были случаи причастности сотрудников правоохранительных органов, причинявших травмы цыганам, к актам насилия и разрушения, мотивированным расизмом, высказывания расистских оскорблений, и серьезные расследования этих происшествий не проводились³.

С учетом вышеизложенного особое внимание должно было быть уделено возможному расистскому мотиву разрушительного насилия, которое претерпел первый заявитель. Я полагаю, что почти убийственная реакция полицейского после того, как на него, по его утверждению, «напал цыган», возлагала на румынские органы обязанность установления того, играла ли какую-либо роль при данных фактах национальность первого заявителя. В деле Кобзару именно уклонение прокуроров от установления того, были ли полицейские, совершившие акты насилия, ранее причастны к аналогичным происшествиям или обвинялись ли они в антицыганских проявлениях, в сочетании с уклонением государства от оправдания этого упущения послужило важным фактором для установления Европейским Судом нарушения статьи 14 Конвенции⁴. Я предпочла бы применить тот же подход в настоящем деле.

бую озабоченность в своем первом докладе по Румынии, в котором указала на совершение актов насилия против представителей различных меньшинств, включая цыган. ECRI призвала к улучшению подготовки в сфере правосудия, особенно касающейся преподавателей военных и полицейских школ. В последующих докладах от 2001 и 2005 годов ECRI отметила сохранение серьезных проблем по всей стране в части отношения и поведения полиции в связи с цыганским сообществом. Конкретно ECRI выразила озабоченность по поводу того, что случаи полицейского насилия по отношению к представителям этого сообщества продолжают отмечаться, причиняя серьезные травмы, иногда смертельные, и выступила за создание независимой системы, направленной на расследование злоупотребления полномочиями полиции.

² Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии» (*Cobzaru v. Romania*) от 26 июля 2007 г., жалоба № 48254/99, § 97.

³ См., в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Стойка против Румынии» (*Stoica v. Romania*) от 4 марта 2008 г., жалоба № 42722/02, §§ 80, 81 и 132, Постановление Европейского Суда по делу «Гергей против Румынии» (*Gergely v. Romania*), жалоба № 57885/00, §§ 16 и 25, *CEDH* 2007-V, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии», § 101, и Постановление Европейского Суда по делу «Молдован и другие против Румынии» (*Moldovan and Others v. Romania*) (№ 2), жалобы №№ 41138/98 и 64320/01, § 140, *CEDH* 2005-VII.

⁴ Упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Кобзару против Румынии», § 98.

Статья 5 Конвенции

Что касается жалобы на нарушение пунктов 1 и 4 статьи 5 Конвенции, я считаю ее приемлемой и полагаю, что по делу допущено нарушение требований этих положений. Европейский Суд недавно отмечал в Постановлении Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (*Medvedyev and Others v. France*), что статья 5 Конвенции относится к числу важнейших положений, защищающих физическую неприкосновенность лиц. Три главных принципа вытекают из прецедентной практики Европейского Суда по данной статье: i) исключения, перечень которых является исчерпывающим, допускают лишь узкое толкование; ii) законность содержания под стражей, на которой делается систематический акцент с процессуальной и материально-правовой точек зрения, и это требует строгой приверженности принципу верховенства права, iii) и, наконец, важность безотлагательности и оперативности судебной проверки, требуемой в соответствии с пунктом 4 статьи 5 Конвенции¹.

Прецедентная практика свидетельствует о том, что при определении того, было ли лицо лишено свободы, мы должны рассматривать «особенности режима, которому он подвергся, с точки зрения права и факта»². Длительность лишения свободы не имеет решающего значения³, и цель статьи 5 Конвенции заключается «в обеспечении того, чтобы [никто] не лишился [свободы] произвольным образом»⁴.

Если допустить, что лишение свободы второй и третьего заявителей регулируется подпунктом «b» пункта 1 статьи 5 Конвенции⁵, это не освобождает

от необходимости соблюдения правовых процедур. При вмешательстве в право на личную свободу государства должны строго следовать верховенству права. Настоящее дело свидетельствует о том, что существующая нормативная база Румынии допускает доставление в полицию невинных прохожих, наблюдавших некие факты, их агрессивный допрос, лишение их возможности удалиться и содержание в течение неопределенного срока, в отсутствие каких-либо гарантий, адекватных и достаточных для исключения произвольного использования полицией полномочий по ограничению личной свободы. Полиция уполномочена расследовать преступления, но не за счет права на уважение личной свободы, предусмотренного статьей 5 Конвенции, которая требует, чтобы закон содержал ясные и предсказуемые нормы, регулирующие лишение свободы.

В отношении лишения свободы особое значение имеет соблюдение принципа правовой определенности. Существенно, чтобы условия лишения свободы в национальном законодательстве и международном праве были определенными. Применение закона должно быть предсказуемым, чтобы отвечать критерию «законности», установленному Конвенцией. Этот критерий требует, чтобы любой закон был достаточно точным во избежание произвола⁶. В Постановлении по делу Медведева Европейский Суд напомнил, что «законность» содержания под стражей включает соблюдение «порядка, предусмотренного законом», Конвенция прежде всего отсылает к национальному законодательству, но при необходимости также к иным правовым нормам, применимым к заинтересованным лицам. В любом случае она устанавливает обязанность соблюдения норм материального и процессуального права. Она также требует совместимости любого лишения сво-

¹ Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Медведев и другие против Франции» (*Medvedyev and Others v. France*), жалоба № 3394/03, § 117, *CEDH* 2010-...

² Постановление Европейского Суда по делу «Пеков против Болгарии» (*Pekov v. Bulgaria*) от 30 марта 2006 г., жалоба № 50358/99, § 73.

³ Решение Европейской Комиссии по правам человека по делу «X. и Y. против Швеции» (*X. and Y. v. Sweden*) от 7 октября 1976 г. жалоба № 7376/76, *Décisions et rapports* (DR) 7, p. 123 (данное дело касалось часового задержания до высылки).

⁴ Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов» (*Engel and Others v. Neetherlands*) от 8 июня 1976 г., § 58, *Série A*, № 22.

⁵ Я не убеждена в этом. Что касается фактов, настоящее дело отличается от дела «Стефанов против Болгарии» (*Stefanov v. Bulgaria*), на которое ссылалось большинство. Кроме того, Европейский Суд подтвердил, что слова «обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом» относятся только к случаям, в которых закон разрешает принуждать к исполнению конкретного обязательства, до тех пор оставшегося неисполненным. Расширенное толкование, допускающее содержание в соответствии с подпунктом «b»

пункта 1 статьи 5 Конвенции, повлекло бы результаты, несовместимые с верховенством права. Оно оправдывало бы, например, административное задержание в целях принуждения гражданина к исполнению его общей обязанности соблюдения закона (упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Энгель и другие против Нидерландов», § 69).

⁶ Упомянутое выше Постановление Большой Палаты по делу «Медведев и другие против Франции». См. также, в частности, Постановление Европейского Суда по делу «Амуур против Франции» (*Amuur v. France*) от 25 июня 1996 г., § 50, *Recueil des arrêts et décisions* 1996-III, Постановление Европейского Суда по делу «Стил и другие против Соединенного Королевства» (*Steel and Others v. United Kingdom*) от 23 сентября 1998 г., § 54, *Recueil* 1998-VII, Постановление Европейского Суда по делу «Барановский против Польши» (*Baranowski v. Poland*), жалоба № 28358/95, §§ 50–52, *CEDH* 2000-III, и Постановление Европейского Суда по делу «Йежус против Литвы» (*Ječius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, § 56, *CEDH* 2000-IX.

боды с целью статьи 5 Конвенции: защиты лица от произвола¹. Таким образом, понятие «законности» предполагает, что национальное законодательство, в соответствии с которым применяется лишение свободы, само по себе является «доступным» и точным².

Большинство согласилось рассматривать статью 83 Уголовно-процессуального кодекса как правовую основу лишения свободы заявителей. Эта статья предусматривает, что лицо, вызванное в качестве свидетеля, обязано явиться в место, в дату

и во время, указанные в повестке, и обязано сообщить все, что ему известно о фактах дела. В настоящем деле отсутствовала «повестка», в которой указывались бы конкретные дата, место и время, поэтому даже с формальной точки зрения задержание заявителей не соответствовало в процессуальном отношении положениям закона, который якобы составлял правовую основу для их лишения свободы. Кроме того, это положение не указывало лицу на то, что оно могло в любое время без предупреждения быть доставленным в полицию и удерживаться там неопределенный срок против его воли и в отсутствие каких-либо гарантий (включая гарантии, предусмотренные пунктом 4 статьи 5 Конвенции), которые могли бы защитить его от произвольного использования полицией своих полномочий по ограничению индивидуальной свободы. В действительности, я не усматриваю, чтобы статья 83 обеспечивала бы второй и третьему заявителям точность, предсказуемость и доступность, требуемые Европейским Судом для оценки правовой основы лишения свободы.

С учетом вышеизложенного, а также того факта, что только узкое толкование согласуется с целью пункта 1 статьи 5 Конвенции, я полагаю, что содержание под стражей второй и третьего заявителей в настоящем деле не являлось «законным» в соответствии с данным положением ввиду отсутствия правовой основы необходимого качества, необходимой для соответствия принципу правовой определенности.

¹ Упомянувшееся выше Постановление Большой Палаты по делу «Медведев и другие против Франции», § 79; см. также в числе многих других Постановление Европейского Суда по делу «Бозано против Франции» (*Bozano v. France*) от 18 декабря 1986 г., § 54, *Série A*, № 111, упоминавшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Амюур против Франции», § 50; Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Илашку и другие против Молдавии и России» (*Îlașcu and Others v. Moldova et Russia*), жалоба № 48787/99, § 461, *CEDH* 2004-VII, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Ассанидзе против Грузии» (*Assanidzé v. Georgia*), жалоба № 71503/01, § 171, *CEDH* 2004-II, Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «МакКей против Соединенного Королевства» (*McKay v. United Kingdom*), жалоба № 543/03, § 30, *CEDH* 2006-X, и Постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Морен против Германии» (*Mooren v. Germany*), жалоба № 11364/03, § 76, *CEDH* 2009-...).

² Упомянувшееся выше Постановление Европейского Суда по делу «Амюур против Франции», § 50, Постановление Европейского Суда по делу «Гусинский против Российской Федерации» (*Goussinski v. Russia*), жалоба № 70276/01, § 62, *CEDH* 2004-IV.